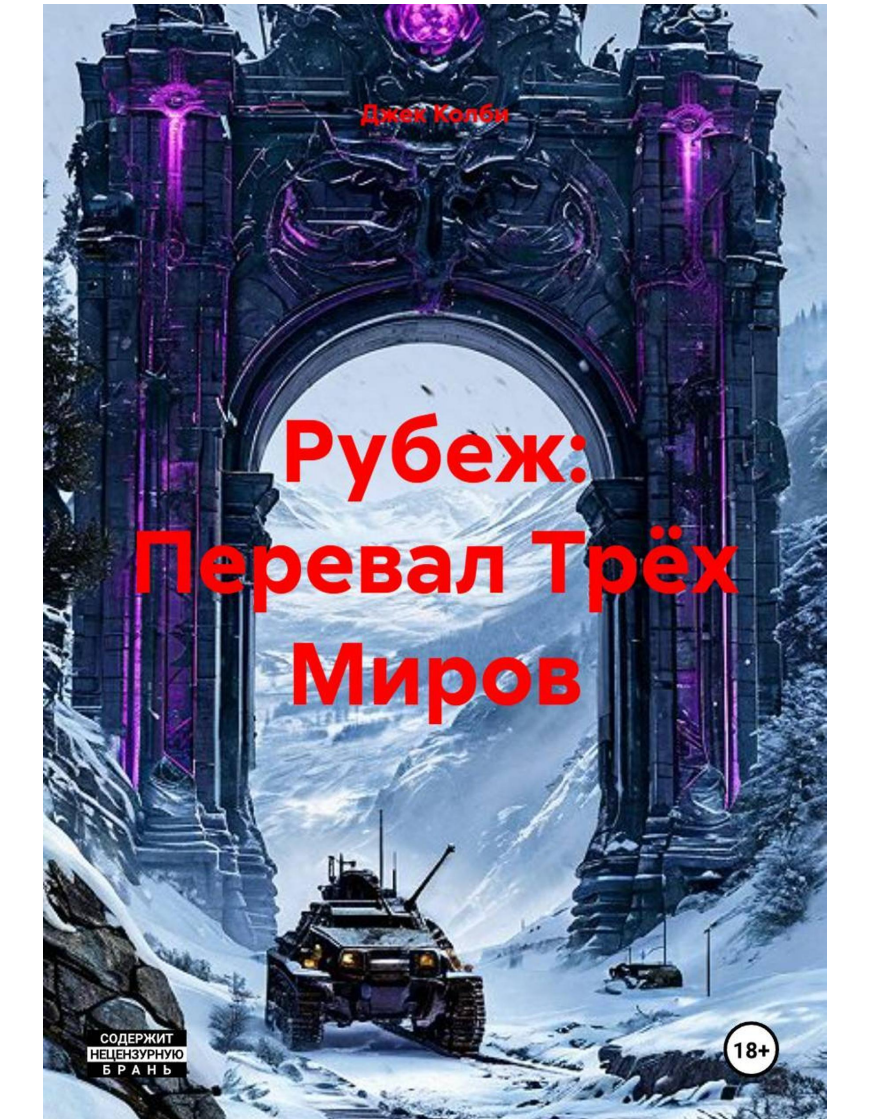

Джек Колби

Рубеж: Перевал Трёх Миров

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джек Колби

Рубеж: Перевал Трёх Миров

<https://litres.ru/74236069>

SelfPub; 2026

Аннотация

Урал. Полигон. Метель минус тридцать пять. Вместо штурма мегаполиса врата в фэнтези-мир открываются на перевале — и авангард империи замерзает под гусеницами мотострелков.

Старший лейтенант Алексей «Шаман» Громов командует разведгруппой «Авангард-4». Он не верит в чудеса — он ищет у них энергобаланс. Рядом механик Миша «Медведь», который чинит технику матом и силой привычки, и люди, для которых зима — не декорация, а союзник.

Пока жрецы зовут богов, Россия тянет периметр, вахту и трубы. Магия встречается с дизелем. Вера — с древними именами. А перевал перестаёт быть точкой на карте учений и становится рубежом трёх миров.

Военная фантастика о первом касании миров: разведка, холод, железо и чужой свет за чёрной аркой.

Содержание

Глава 1. Перевал	4
Глава 2. Гости	54

Джек Колби

Рубеж: Перевал

Трёх Миров

Глава 1. Перевал

Ещё днём, когда метель только набирала силу и небо над полигоном было цветом старого цинка, майор Ребров собрал командиров групп в штабной палатке и положил на стол карту так, будто карта была виновата лично. Над палаткой хлопал тент. Где-то снаружи орал механик, требовавший «родную» не глохнуть на подъёме. Пахло чаем, пылью обогревателя и тем неуловимым казённым оптимизмом, который бывает перед ночными выходами: мол, всё под контролем, пока контроль не начнёт скрипеть.

- Короче, - сказал Ребров без предисловий. - Третью ночь подряд у нас «северная петля» врёт как срочник на гауптвахте. Компасы. Связь. У двух экипажей просадка бортовой сети без причины. Ефрейтор Глухов видел «арку» и теперь пьёт чай у психоневролога на полставки. Я не верю в призраков. Я верю в то, что если приборы врут синхронно - врёт не прибор, а среда. Авангард-4 идёт на «Клин-3» и дальше по ложбине. Задача: зафиксировать, не геройствовать, не устра-

ивать сеанс разоблачения мироздания. Громов - старший. Вопросы?

Молчание длилось ровно столько, сколько нужно, чтобы уважить приказ, и ровно столько, чтобы не выглядеть трусами. Потом Громов поднял руку на ширину ладони - жест человека, который спрашивает не из любопытства, а из обязанности.

- Есть, - сказал он. - Если среда врёт, у вранья должен быть градиент. Разрешите взять расширенный комплект: тепловизор, регистраторы, контейнеры под пробы, лазерную рулетку, запасные аккумуляторы в термосе.

Ребров посмотрел на него долго. В этом взгляде было всё: усталость, уважение и лёгкое раздражение на людей, которые усложняют простые приказы правильными вопросами.

- Термос под аккумуляторы. Конечно. Ты единственный человек в батальоне, который делает из быта науку. Бери. Только если найдёшь там бабу-ягу - не приглашай её в столовую без доклада.

В палатке коротко посмеялись. Смех вышел нервный, но полезный: лучше нервный смех, чем торжественная тишина перед неизвестностью. Громов кивнул, принял координаты, расписался в журнале и вышел наружу - в день, который ещё притворялся днём.

Днём полигон ещё был узнаваем. Учебные ориентиры торчали из снега чёрными палками. На дальнем рубеже стояли мишени, похожие на казнённых за неправильную стой-

ку. БМП и БТРы курили выхлопом у капониров. Солдаты в «Ратнике» двигались тяжёлыми куклами, облепленными инеем. Где-то гремели холостые - короткая серия, обрыв, мат инструктора, снова серия. Обычная жизнь полигона пыталась звучать громче ветра и пока ещё побеждала.

Громов прошёл вдоль линии, проверяя группу не по форме, а по мелочам: кто как затянул ремень, у кого маска намочла изнутри, у кого взгляд уже «убежал» вперёд - туда, где ещё ничего не случилось, но уже мерещится. Он давно заметил: перед плохими ночами люди либо слишком шутят, либо слишком молчат. Сегодня было смешанное меню - шутили мимо, молчали между шутками слишком правильно.

Миша Кузнецов стоял у своей машины и спорил с ней вполголоса. У Миши были большие руки, вечно в микросадинах, и характер человека, который искренне считает металл живым, а живых - иногда слишком хрупкими для этой работы. Он служил механиком так, будто это было священство без храма: грязь под ногтями вместо ладана, ключ на двадцать два вместо кадила. В гражданке у него остались жена в другом городе, сын-школьник и привычка присылать голосовые про «сегодня всё целое». Здесь, на полигоне, голосовые становились редкостью: связь капризная, а слова «всё целое» слишком легко становятся ложью.

- Она сегодня дуется, - сказал Миша вместо приветствия. - Вчера на учениях перегрел её один умник. Я умника отправил греть себя пешком. Машину жалко. Умников много.

- Нам нужна машина, которая довезёт и увезёт, - сказал Громов. - Красота потом.

- Красота - это когда все винты на месте, - кивнул Миша.
- Я вас уловил, лейтенант. Вы опять думаете, что ночь будет «интересной». У вас на лице написано. Как у человека, который открыл детектив с конца.

- Я открываю с начала, - сказал Громов. - Просто иногда начало уже пахнет концом.

Они оба поняли, что это не поэзия, а прогноз, и потому не стали развивать. Миша хлопнул ладонью по броне - лёгкий, почти ласковый удар - и полез проверять гусеницу ещё раз. Громов пошёл дальше.

Коля Семёнов появился с антенной, опутанный проводами так, будто его собрали на складе из запчастей связиста. Ему было двадцать. Он ещё умел пугаться красиво - глазами, а не телом. Телом он уже держался. Армия быстро учит тело. Глаза она перевоспитывает дольше. До армии Коля чинил соседям роутеры и верил, что мир состоит из сигналов, которые можно усилить. Здесь он учился другому: некоторые сигналы лучше сначала записать, потом понять, и только потом усиливать.

- Лейтенант, частоты я проверил. Резерв есть. Если снова начнётся «церковный хор», я его запишу. И себе в телеграм-канал потом... шучу. Не запишу в канал. Запишу вам.

- В канал не надо даже шутя, - сказал Громов. - Шутки любят становиться уголовными делами.

- Принял. Тогда только вам и Богу. Богу - если поймает волну.

Коршун подошёл последним, молча проверил пулемёт, молча кивнул. Старший сержант Андрей Коршунов не любил лишних слов до выхода. Он любил лишние патроны, сухие носки и понимание, кто за кем идёт в цепочке. У него была невеста в области и привычка перед заданием трогать шею - там, где под воротником прятался тонкий шнурок с колечком. Громов никогда не спрашивал. В разведке вопросы про личное задают только тогда, когда личное начинает стрелять мимо.

Таня Орлова стояла чуть в стороне и куталась так, будто метель имела к ней личные претензии. Прапорщик медицинской службы, прикомандированная «на усиление», она смотрела на людей взглядом человека, который знает цену крови в миллилитрах и в судьбах одновременно. Перед выходом она молча сунула каждому химическую грелку - без речей, без материнства. Просто сунула.

- Спасибо, - сказал Громов.

- Не благодарите заранее, - ответила Таня. - Поблагодарите, если унесёте грелку обратно не в виде трупa.

- Вы сегодня особенно ласковы, - заметил Миша от машины.

- Я сегодня особенно трезва, - сказала Таня. - Это почти то же самое.

К вечеру метель стала стеной. К ночи стена стала миром.

На КП гасили лишний свет. В столовой дежурный повар ставил термосы так тяжело, будто каждый был наполнен не чаем, а ответственностью. Громов ещё раз сверил комплект: блокнот, карандаши (три - потому что один всегда ломается в самый глупый момент), контейнеры, маркеры, запасные батареи в термосе, действительно в термосе - Миша ржал, пока не понял, что это работает. Потом Громов коротко проговорил группе порядок: дистанции, сигналы, что делать, если связь села, что делать, если кто-то «завис» на свету, что делать, если увидят то, чему нет имени.

- Имени нет - есть описание, - сказал он. - Описание всегда лучше крика.

- А если крик быстрее? - спросил Коля.

- Тогда кричите по делу, - ответил Громов. - «Контакт», «воздух», «отход». Не «мать» и не «это же невозможно». Невозможное не слушает матерщину. Оно слушает дистанцию и темп.

Они вышли. Ночь приняла их сразу, без церемоний. И вот уже гусеница ползла сквозь белое, и пар становился инеем, и Миша уговаривал двигатель, и Громов думал о температуре кипения чуда - уже не как о красивой фразе, а как о рабочем критерии.

Урал не спрашивал, готов ли ты к нему. Он просто был - камнем, ветром, белой стеной, за которой могла скрываться как пустота, так и чужая жизнь. В ночь с двенадцатого на тринадцатое февраля полигон «Северный рубеж» исчез в

метели так основательно, будто его вырезали из карты ножами и оставили на месте один лишь вой.

Минус тридцать пять. Ветер бил в лицо твёрдыми крупичами, и каждая казалась маленькой иглой. Гусеница БМП медленно ползла по сугробу, продавливая колею, которую через минуту снова заметало. Пар из выхлопа становился инеем ещё в воздухе и садился на броню седой коркой. Машина шла как зверь, который знает: остановишься - замёрзнешь насмерть, даже если металл формально «живой».

В кабине сержант Михаил Кузнецов - для своих просто Миша, для рации «Медведь» - бил кулаком по панели приборов не от злости, а по привычке. У него была своя теория: техника слышит. Не магически, конечно. Просто если с ней разговаривать как с тварью, которая может подвести в самый плохой момент, она иногда смягчается.

- Ну давай, родная... Не в кино же снимаемся, - бормотал он, глядя на дрожащую стрелку температуры. - Ещё чуть-чуть. До точки дотяни, а там я тебя чаем отопгрею. Ну, метафорически. Ты ж не пьёшь. Хотя после сегодняшнего - кто знает.

Снаружи, у полуоткрытого люка, стоял старший лейтенант Алексей Громов. Позывной «Шаман». В тепловизоре деревья были зелёными призраками, а сугробы - ровной мёртвой рябью. На колене у него лежал блокнот в клеёнчатой обложке: схема «аномальной зоны», стрелки, пометки карандашом, которые уже смазало влагой от дыхания. Громов

прижимал карандаш зубами, когда нужно было освободить руку для рации, и снова возвращался к листу. Вне службы он любил фантастику, черчение и моделирование. На службе это превращалось в странную, почти вредную привычку: искать закон там, где другим мерещилось чудо или чёрт.

Он думал спокойно, как человек, который уже промёрз до костей и потому перестал тратить тепло на панику.

Если чудо существует - у него есть температура кипения. Если портал - у него есть энергобаланс. Если «аномалия» - у неё есть граница, градиент, точка насыщения. А если нам опять «кажется»... то я зря мёрзну, и завтра комбат будет шутить над «шаманскими танцами» до конца ротации.

Рация хрипнула так, будто сама простыла.

- Авангард-4, приём. Компас у вас тоже танцует?

Голос комбата батальона - майора Реброва - звучал привычно хрипло, с той особой усталостью людей, которые всю ночь слушают чужие доклады и понимают: хороший доклад почти никогда не бывает хорошей новостью.

- Так точно, - ответил Громов. - Стрелка делает круги. Как пьяный на увольнении.

- Красота. Значит, не только у нас. Не геройствуйте. Зафиксировали - отходите.

- Принял. ...Шаман, конец связи.

Он отпустил тангенту и ещё секунду слушал ветер. Ветер говорил много и бессмысленно. В этом был его главный талант.

«Авангард-4» - передовая разведгруппа мотострелков - вышла на задание ещё до полуночи. Формально это были «контрольные мероприятия по обеспечению безопасности периметра полигона в условиях осложнённой метеоситуации». Неформально все понимали: на перевале снова «шалит». Третью ночь подряд. Сначала сбои компасов. Потом - помехи на УКВ. Потом ефрейтор из соседней роты клялся, что видел в метели «арку», и его отправили к врачу пить чай с сахаром и не позорить часть мистикой. Громов не смеялся. Он записал показания ефрейтора в блокнот под номером и временем, а напротив поставил знак вопроса.

Миша высунул голову из люка.

- Лейтенант, она кашляет. Аккумулятор садится быстрее нормы. Я ж говорю: здесь поле какое-то. Не наше.

- Какое «поле», Медведь? - спросил Громов, не отрываясь от тепловизора.

- Ну... как под ЛЭП, только ЛЭП нет. И как в грозу, только грозы нет. И как после сварочного аппарата, только сварки нет. Понял? Когда ничего нет, а оно есть.

- Понял, - сказал Громов. - Запиши в журнал: «субъективное ощущение электромагнитной аномалии по словам механика». И напряжение бортсети каждые пять минут.

- Я и так записываю. Я ж не для красоты перчатки снимаю.

Они остановились у условной точки «Клин-3»: низкая складка рельефа, где можно было укрыть машину от прямого ветра и выставить сектор. Дальше - пешком. Дальше

- окоп, который они отрыли ещё днём, пока метель только набирала силу, и который теперь выглядел как могила для живых, если не знать, что в нём тепло от тел и надежда от дисциплины.

В окопе, кроме Громова и Миши, были связист - рядовой Николай Семёнов по прозвищу «Штирлиц», пулемётчик старший сержант Андрей Коршунов - просто Коршун, и санитар прапорщик Татьяна Орлова, прикомандированная от роты на эту ночь. Таня сидела на сложенном теплоизоле, прижимая к груди сумку с укладкой, и смотрела на снег так, будто уже заранее ненавидела всё, что придётся из него вытаскивать.

Коля прижал наушник ладонью и нахмурился так сильно, что под краем шапки показалась белая полоска кожи.

- Лейтенант, рация ловит... музыку? Или молитву. Со всем не на нашем.

В динамике шёл искажённый хорал. Голоса - мужские, высокие, будто пели не грудью, а горлом и чем-то ещё, чего у людей не бывает. Слова не складывались в русский, не складывались в английский, не складывались вообще ни во что знакомое. Между фразами щёлкала статика, как будто кто-то переключал каналы в пустоте.

- Может, китайцы снова спутники тестируют? - буркнул Миша, опускаясь в окоп и отряхиваясь.

- Китайцы в минус тридцать пять на перевале Дятлова? - хмыкнул Коршун. - Ты ж совсем отмороженный. Китайцам

дома теплее врать.

- А нам здесь веселее правду искать, - сказал Коля. - Серьёзно. Послушайте.

Громов взял наушник. Хорал на мгновение стал чище - и в этой чистоте было что-то невыносимо чужое. Не злоба. Не угроза. Скорее торжественность. Как будто где-то очень далеко совершали обряд и не подозревали, что их слышат люди в камуфляже «Ратник», с заиндевевшими ресницами и автоматами на предохранителе.

- Частота? - спросил Громов.

- Пляшет, - ответил Коля. - Не держится. Как будто источник... двигается. Или слой атмосферы двигается. Или я схожу с ума по графику.

- Сходить с ума по графику у нас разрешено только после отбоя, - сказал Громов. - Пиши спектр. Пиши время. Пиши, в какую сторону сильнее. И не комментируй «как в фильме». В рапорте «как в фильме» не принимают.

- А «как в кошмаре» принимают? - тихо спросила Таня.

- Кошмар принимают, если к нему приложена проба, фото и координаты, - ответил Громов. - Без этого кошмар - просто отказ от ответственности.

Он поднял тепловизор снова. Зелёные призраки деревьев стояли на своих местах. Между ними иногда мелькало что-то более тёплое - зайцы, может быть, или лиса. Обычная жизнь пыталась продолжаться даже тогда, когда люди начинали говорить о чудесах. Громов уважал это упрямство природы.

Оно было понятнее политики и страшнее молитвы.

- Коршун, сектор на север и северо-восток. Коля - связь каждые три минуты коротким. Таня - если кто-то начнёт «видеть светлых человечков», сначала меряй температуру и давление, потом уже слушай про человечков. Миша - машина в готовности к отходу. Если скажу «сейчас» - значит, прямо сейчас, а не «после того как докручу».

- Я всегда докручиваю быстрее, чем вы думаете, - обиделся Миша.

- Поэтому ты и живой, - сказал Громов без улыбки.

Они сидели так двадцать минут. Метель то усиливалась, то отпускала, будто дышала. В минуты «выдоха» можно было увидеть силуэт сопки и чёрную линию леса. В минуты «вдоха» мир снова становился белой кашей. Громов сверял компас. Стрелка дрожала, уходила в сторону, возвращалась, снова уходила - не хаотично, а словно по дуге, будто кто-то медленно проводил над ней магнитом.

Он вспомнил учебник физики. Потом - роман, где портал открывался в центре мегаполиса и всё сразу становилось зрелищным: небоскрёбы, паника, телекамеры, речь премьера. Здесь не было камер. Здесь был полигон, учебные мишени под снегом, запах солянки и ощущение, что большая история иногда начинается в местах, где даже нормальная история выживает с трудом.

- Лейтенант, - позвала Таня. - У Коршуна пальцы белые.

- Не белые, - огрызнулся Коршун. - Декоративные.

- Шевелись, - сказала Таня уже жёстче. - Сейчас в варезку грелку. И не геройствуй. Отмороженный стрелок стреляет красиво только в первый раз. Потом - мимо и в своих.

Коршун подчинился. В окопе на минуту стало почти уютно - в том извращённом смысле, в каком уютны любые совместные действия против общего врага. А общим врагом пока был холод. Холод честный. Холод без идеологии.

Потом Таня вдруг подняла руку.

- След. Смотрите.

Они подошли осторожно, как учат: не топтать, не засвечивать, не решать заранее, что это «просто лось». В снегу темнел огромный отпечаток копыта. Не лошадиного. Не лосиного. Слишком широкий, слишком глубокий, с характерным расколом по центру, будто копыто было раздвоено сильнее обычного. Рядом застыла капля - нет, не капля, небольшая лужица застывшей крови. Золотистая. В свете фонаря она выглядела как янтарь, в котором застряло тепло.

Миша свистнул и тут же пожалел об этом: звук утонул в ветре, но привычка беречь тишину всё равно ударила по нервам.

- Это что, бутафория? Кто-то из штабных приколы устроил?

- Штабные в такую погоду приколы не устраивают, - сказал Коля. - Штабные в такую погоду чай пьют и нас по карте двигают.

Громов присел, не касаясь пятна пальцами. Достал пла-

стиковый контейнер, шпатель, перчатки потоньше. Работал быстро и аккуратно, будто это была не кровь неизвестного существа, а обычная криминалистическая процедура, только учебная. Только учебная - повторял он про себя, потому что мозг требовал хоть какой-то рамки.

- Кровь не окисляется. Или окисляется иначе. Цвет стабильный. Консистенция... вязкая. Забираем пробу. И фото. И чтобы никто не полез «потрогать».

- Я и так не полез, - откликнулся Миша. - У меня рука после железа ещё не отошла.

- Хорошо, - сухо сказал Громов. - Значит, живой.

Коршун держал сектор, но глаза его всё равно возвращались к следу.

- Лейтенант... если это не лось и не лошадь - что это?

- Пока - объект наблюдения, - ответил Громов. - Имя дадим после лаборатории. Имена раньше фактов - путь в сказку. А сказки на перевале плохо заканчиваются. Тут даже туристические плохо заканчиваются.

Он сделал ещё несколько снимков: общий план, крупный план, масштабная линейка рядом, направление ветра, азимут. В блокноте появилась новая строка: «03:02. Отпечаток. Кровь (золот.). Темп. воздуха -35. Ветер СВ, порывы». Почерк у Громова был мелкий, почти чертёжный. Он когда-то хотел быть инженером и до сих пор иногда жалел, что выбрал другой маршрут. Хотя сейчас разница казалась меньше: и там, и здесь нужно было понимать, как устроена система,

прежде чем она тебя сломает.

- След свежий? - спросила Таня.

- Минут пятнадцать-двадцать, не больше, - сказал Громов. - Кромка ещё не успела полностью обледенеть по внутреннему контуру. Кто-то прошёл... или пробежал. Тяжёлый. Очень тяжёлый.

- К нам? - уточнил Коршун.

- Через нас, - ответил Громов. - Или мимо. Но направление - к ложбине у «Клину-4». Туда, где компас врёт сильнее всего.

Они двинулись цепочкой. БМП осталась позади, укрытая складкой, с Мишей на коротком поводке рации. Громов не любил оставлять технику, но в узкой ложбине она стала бы грохочущей мишенью для всего, что имеет уши. А уши, судя по следу, у гостя были.

Снег под ногами скрипел по-разному: иногда сухо, иногда вязко. В одном месте Громов остановился и поднял руку. Все замерли. Из темноты донёсся запах - слабый, невозможный в этом холоде: лаванда. Не парфюм. Не шампунь. Ж живой запах травы и лета, пробившийся сквозь минус тридцать пять, как насмешка.

- Чуете? - тихо спросил он.

- Чуем, - подтвердила Таня. - И мне это не нравится. Лето не должно пахнуть зимой. Это как кровь из уха: вроде жидкость та же, а место не то.

Коля сглотнул.

- Лейтенант, хорал громче. И... там ещё второй голос. Как будто диктует.

- Не слушай смысл, - сказал Громов. - Слушай носитель. Нам нужен источник, а не религия источника.

До этого момента ночь ещё могла притвориться обычной. Тяжёлой, злой, учебной - но обычной. Громов это чувствовал кожей: пока аномалия остаётся в приборах и ощущениях, её можно запереть в журнале. Как только она становится формой в пространстве, журнал уже не спасает. Остаётся только метод и люди рядом.

Они шли к ложбине медленно. Коршун время от времени поднимал кулак - стоп - и все замирали, слушая. В метели слух врал не меньше компаса: то казалось, что справа топчет лошадь, то слева кто-то плачет тонким голосом. Та-ня однажды резко повернула голову и потом сама себе кивнула, будто подтверждая: нет, это ветер. Только ветер. Ветер любит передразнивать человека, особенно когда человеку страшно признаться, что он чего-то боится.

- Коля, - тихо сказал Громов, - короткий на Центр: движемся к эпицентру компасовой аномалии. Контакт визуальный пока отрицательный. Есть органолептика - запах. Есть биослед.

Коля кивнул и заговорил в рацию скороговоркой, профессиональной и почти неживой. Так говорят люди, которые понимают: эмоции в эфире - это роскошь, а роскошь на морозе дорого стоит.

Пока шли, Громов позволил себе - ровно на три вдоха - вспомнить, почему вообще оказался здесь, а не в тёплом штабе с картами и кофе. Он закончил училище без блеска и без провалов, с репутацией «слишком много думает». В роте это произносили по-разному: кто с уважением, кто с раздражением. Комбат Ребров говорил прямо:

- Шаман мне нужен не для мистики. Шаман мне нужен, чтобы когда все начнут орать «чудо», нашёлся один идиот, который спросит про питание и запас хода.

Громов тогда ответил:

- Я не идиот. Я инженер в чужой форме.

- Тем лучше, - сказал Ребров. - Идиотов хватает и в штатской.

С тех пор позывной прижился. «Шаман» звучал как шутка, но шутка стала инструментом. Когда на учениях пропадал ориентир, к нему шли не за утешением - за схемой. Он рисовал на снегу палкой направления, считал углы, заставлял людей дышать реже. В фантастических романах герой обычно либо избранный, либо проклятый. Громов не хотел быть ни тем ни другим. Он хотел быть тем, кто после всего этого напишет внятный отчёт и ляжет поспать.

Миша на короткой частоте вдруг подал голос:

- Лейтенант, у меня тут стрелка зарядки дергается, будто сердце после курилки. Я подкинул холостые на прогрев - помогает на минуту. Потом снова. Вы там не вздумайте задержаться «полюбоваться».

- Не полюбуемся, - ответил Громов. - Работы хватит и без эстетики.

- Эстетика - это когда гусеница целая, - буркнул Миша. - Всё остальное - вредные привычки гуманитариев.

Коршун тихо хмыкнул. В этом хмыке было всё: и согласие, и нерв, и привычка держаться рядом с людьми, которые шутят в правильный момент. Коршун служил по контракту уже шестой год. У него было лицо человека, который видел достаточно глупостей, чтобы не удивляться новой, но ещё не настолько много, чтобы перестать злиться. Пулемёт на ремне он носил так, словно это продолжение плеча. Когда метель ударяла сильнее, он слегка разворачивал корпус, закрывая Колю и Таню собой - не героически, а хозяйственно, как закрывают от брызг инструмент.

- Лейтенант, - сказал он, - если там реально «дверь», кто её открыл? Наши испытатели? Или... ну... не наши?

- Если наши - найдём журнал работ и человека с допуском, - ответил Громов. - Если не наши - найдём след, тепло, частоту и причину, почему им понадобился именно этот перевал, а не Красная площадь. Пока оба варианта равны. Не выбирай красивый раньше истинного.

- Красная площадь хотя бы с сувенирами, - пробормотал Коля. - Тут сувенир - замороженные яйца.

- Семёнов, - сказала Таня без повышения голоса, - ещё одно лирическое отступление про репродуктивную систему - и я лично вколю тебе витамин словом «дисциплина».

- Принял, - быстро сказал Коля. - Витамин «дисциплина» уже в крови.

Они спустились ниже. Ложбина принимала их как горло: стены из снега и камня, узкий проход, ветер здесь не выл, а свистел. Громов отметил про себя - тактическая ловушка. Красивое место для засады. Идеальное место для чуда, которое хочет, чтобы его нашли слишком поздно. Он поднял кулак.

- Свет только вниз. Никаких лучей в небо. Коршун - на уступ. Таня - сзади меня на два шага. Коля - не роняй связь, даже если начнёт казаться, что поют специально для тебя.

- Почему «специально для меня»? - нервно спросил Коля.

- Потому что мозг любит делать кошмар личным, - сказал Громов. - Не потакай ему.

Под ногами попалась не снежная мягкость, а твёрдая кромка - камень, очищенный от наста странным круговым движением, будто кто-то долго ходил по одному радиусу. Громов присел, снял перчатку зубами, коснулся поверхности тыльной стороной пальца. Камень был тёплым. Не комнатной теплотой - теплотой живого тела, которое только что убрали руку.

Он надел перчатку обратно медленнее, чем хотел бы.

- Фиксация: локальный нагрев грунта/камня при общей температуре минус тридцать пять. Это не «кажется». Это термодинамика, которая нам врёт или рассказывает новую главу.

Таня достала крошечный бесконтактный термометр из укладки - тот самый, которым обычно мерили лоб срочникам с «температурой от двух нарядов». Навела на камень.

- Плюс семь на поверхности, - сказала она тихо. - Лейтенант... у камня температура как у больного пса. А вокруг зима. Это не естественно.

- Естественно то, что повторяется и объясняется, - ответил Громов. - Пока не объясняется - это аномалия. Аномалии тоже бывают естественными. Просто не для нашей привычки.

Он сделал фото нагретого участка, положил рядом жетон для масштаба, записал. В какой-то момент ему захотелось закурить - глупая привычка, которой у него давно не было. Захотелось просто потому, что руки требовали простого ритуала. Вместо этого он пересчитал магазин на ощупь и кивнул Коршуну: дальше.

Запах лаванды стал гуще. К нему добавился озон - тот самый «послегрозовой» привкус, который бывает у воздуха возле мощных трансформаторов. Коля морщился, будто от зубной боли.

- У меня в пломбе ноет, - пожаловался он. - Серьёзно. Как у стоматолога.

- Значит, поле есть, - сказал Громов. - Зубы иногда честнее приборов. Но в рапорт зубы не приложишь. Работаем дальше.

Именно тогда метель рванулась.

Метель рванулась в сторону, как театральный занавес, который кто-то дёрнул слишком резко. В разрыве белизны проступила арка из чёрного камня. Не скала. Не ледниковый останец. Арка - со замком, со щербинами рун или трещин, которые хотелось принять за руны, потому что мозг человека всегда ищет текст на чужой стене. Камень был покрыт инеем, но иней таял у внутреннего края, будто изнутри шло тепло. Внутри арки не было тьмы. Там стоял тёплый фиолетовый свет - густой, как жидкость, и при этом прозрачный, как воздух. Пахло озоном и лавандой одновременно: гроза и сад, невозможная пара.

Коля выругался одними губами.

- Мать... Это декорации? Мы в каком сериале?

- В том, где за нарушение инструкции пишут рапорт, - ответил Громов. Голос его не дрожал, и этим он держал остальных крепче любого приказа. - Штирлиц - наверх: видео, координаты, метка. Коршун - сектор. Таня - контроль состояния группы. Дышим ровно. Никто не подходит ближе трёх метров без команды. Миша...

Рация ожила раньше, чем он договорил.

- Я уже понял, - донёсся голос механика. - Если оно чихнет - я завожу БМП за три секунды. Только скажите «чих», ладно? А то я тут сам себе уже накрутил.

Громов достал пустую гильзу. Обычную. Тёплую ещё от патронника утренних учебных. Взвесил на ладони, как делают люди, прежде чем проверить закон мира простым пред-

метом.

- Фиксация: объект типа «арка/врата». Материал - камень неизвестный. Излучение - видимое, спектр смещён. Тепловой поток изнутри. Запах: озон, органика растительная. Приступаю к простейшему кинетическому тесту.

Он кинул гильзу в арку. Гильза летела по дуге - привычной, земной - и на границе света исчезла с тихим «чпок». Не упала. Не отскочила. Исчезла, будто мир за аркой имел другую пропускную способность для материи.

- Физика есть, - сказал Громов. - Значит, можно работать. «Можно работать» - это была его молитва. Не к небу. К методу.

Из Врат вырвался порыв тёплого воздуха. На мгновение за камнем открылись зелёный лес, парящий осколок скалы и солнце не нашего цвета - чуть более белое, чуть более высокое, с ореолом, который резал глаз даже через метель. Коля сделал шаг назад и чуть не сел в сугроб.

- Лейтенант... там лето.

- А у нас смена не закончена, - сказал Громов. - Отходим. Сейчас же. Коля, передай всё на Центр пакетом. Коршун, прикрытие. Таня, смотри за лицами: если кто-то «зависнет» на свету - тяни за воротник, без вежливости.

- Это я умею, - кивнула Таня.

Громов ещё несколько секунд стоял, заставляя себя видеть не «чудо», а объект. Привычка инженера: разложить на свойства. Высота арки - примерно четыре метра в свету. Ши-

рина - около трёх. Камень чёрный, мелкозернистый, с прожилками, которые на холоде казались серебряными. У основания - наледь, но наледь кольцом: снаружи выросла, изнутри подтаивала. Значит, градиент устойчивый. Значит, объект не «вспышка», а режим.

- Коля, крупный план швов, - приказал он. - Если это сборка, будут стыки. Если монолит - будет структура. Не дыши на объектив.

- Я вообще сейчас дышу через раз, - признался Коля, но кадры делал ровные.

Коршун не смотрел в свет дольше секунды. Он смотрел по краям - туда, куда смотрят люди, которых учили выживать: не в красоту, а в угрозу красоты.

- Лейтенант, слева наст примят. Кто-то тяжелый выходил. Или входил. Или топтался на пороге, как курильщик у подъезда.

- Фото и не наступать, - сказал Громов. - Таня, у кого пульс выше нормы - скажи сейчас, не потом на носилках.

- У Коли выше, - сказала Таня. - У вас, лейтенант, тоже, но вы это маскируете лицом. У Коршуна ровно. У меня... рабочее.

- Принял.

Громов подошёл на шаг ближе - до двух метров - и остановился. На этом расстоянии тепло уже чувствовалось лицом, как от открытой печки в деревенском доме. В голове сами собой всплывали страницы: порталы в городских хро-

никах фантастики, «дыры» в лабораторной прозе, теории о тонких местах мира. Он отогнал образы. Образы соблазнительны тем, что дают готовый сюжет. Ему был нужен не сюжет - протокол.

Он достал второй предмет для теста: пустую пластиковую бутылку из-под воды, сплюсненную холодом. Бросил не в центр, а ближе к краю света. Бутылка исчезла так же - с коротким «чпок», будто кто-то выбил пыль из ковра. Затем Громов бросил снежный ком. Снег исчез. Затем - включённый химический источник света на шнурке. Жёлтый огонёк мелькнул на границе и пропал, шнурок оборвался чисто, будто перерезанный.

- Граница режет связь материи, - проговорил он вслух для диктофона в нагрудном регистраторе. - Не отталкивает. Поглощает или переносит. Нет обратного выброса. Нет искры. Нет звука удара. Рабочая модель: мембрана с односторонней проводимостью либо смещение системы координат.

- Лейтенант, - очень тихо сказала Таня, - давайте без «ещё одного теста». У меня такое чувство, что оно тоже нас тестирует.

- Чувства фиксируем отдельно, - ответил Громов. - Но ваше замечание принято. Ещё минута на фиксацию - и отходим. Мы собрали достаточно, чтобы нас не подняли на смех. И достаточно, чтобы нас начали бояться правильные люди.

Пока Коля снимал швы камня, а Коршун держал сектор, Громов позволил себе ещё одну роскошь метода: описать

объект так, будто завтра его будут читать люди, которые ненавидят прилагательные.

- Высота в свету ориентировочно четыре метра. Ширина - около трёх. Камень чёрный, плотный, с прожилками. Наледь кольцом. Тепловой поток изнутри устойчивый. Свечение фиолетовое, без видимого источника внутри рамы. Запах: озон плюс растительная органика. Граница мембраны неизвестного типа. Кинетические тесты: гильза, пластик, снег, химвет - потеря объекта без рикошета. Вывод: не голограмма. Не декорация. Не «казалось».

Он замолчал. Ветер заполнял паузу охотно. В глубине света снова послышался шаг - далёкий, копытный, будто тяжёлое животное шло по мягкой земле. Потом звук пропал. Может, ушёл. Может, остановился и слушает их так же, как они слушают его.

- Лейтенант, - едва слышно сказал Коршун, - разрешите дым на отход?

- Не сейчас. Дым скажет, что мы здесь и что мы боимся. Бояться можно. Сообщать об этом первыми - не обязательно.

Именно тогда из глубины света донёсся звук - не хорал, а шаг. Тяжёлый. Копытный. Далёкий. Потом ещё один. Коля бессознательно поднял автомат выше, чем нужно.

- Не стрелять в дыру, - резко сказал Громов. - Некуда попадать. И не надо объявлять войну тому, чего не измерили. Отходим тихо.

Они пятились. Каждый шаг назад был маленькой победой

дисциплины над любопытством. Любопытство орало внутри Громова громче хора: зайди, измерь изнутри, посмотри, какое там давление, есть ли птицы, можно ли взять пробу воздуха. Он знал этих демонов по имени. В фантастике герой всегда заходит. В отчётах живые обычно те, кто умеет уйти.

На середине пути к машине Коля споткнулся и тихо выругался.

- Нога... нет, не нога. Как будто земля на секунду стала мягче. Как трясина, только снег.

- Не останавливаемся, - сказал Громов. - Аномалии любят любопытных. А любопытные любят становиться статистикой.

Он сам в этот миг почувствовал странную вещь: компас в кармане будто нагрелся. Достал - корпус холодный, стрелка бешено крутится. Нагрев был ложным, телесным, из той области, где страх маскируется под физику. Громов убрал компас и переключился на GPS. Спутниковый сигнал тоже «плыл», но слабее. Он записал и это: «мультисенсорная деградация навигации в радиусе объекта». Потом добавил: «радиус уточнить позже». Позже - любимое слово людей, у которых сейчас нет права на ошибку измерения.

Миша уже заводил БМП, когда они добрались. Двигатель кашлянул, подхватил, кашлянул снова. В кабине мигали лампочки так, будто машина читала им мораль.

- Садитесь! - орал Миша. - Она сегодня капризная, как тёща после Нового года!

Они ввалились внутрь. Тепло салона ударило по лицам болью: отмороженное всегда отходит через боль. Коля на секунду привалился затылком к металлу и закрыл глаза. Таня сразу сунула ему грелку в ладони.

- Не спи. Сжимай. Рассказывай, что видел. Если будешь молчать - впишешь в себя глубже.

- Я видел лето, - сказал Коля сипло. - Настоящее. И оно меня... не звало. Просто было. Как соседский двор за забором. Вот что страшно. Что оно не театральное.

- Хорошее наблюдение, - сказал Громов. - Запиши потом сам. Свои слова. Не мои.

БМП рванула с места, гусеницы заскрежетали, выбираясь из колеи. Арка ещё была видна в задней камере - фиолетовая рана в белом. Громов смотрел на экран и видел не только свет. Он видел будущие совещания, будущие печати «секретно», будущие попытки назвать это «испытаниями потенциального противника» или «геоаномалией». Он видел и другое будущее: если объект стабилен, через него пойдут не только солдаты. Пойдут те, кто ищет руду, трубы, вахту, землю. Россия умеет приходить на Север тяжело и надолго. Если за Вратами тоже «север», только зелёный - найдутся люди, которые назовут его месторождением.

Эта мысль была преждевременной, почти неприличной посреди ночи. Он загнал её в угол блокнота одной фразой: «логистика после подтверждения». Потом вернулся в текущую минуту - туда, где машина глохла.

На отходе БМП встала. Раз. Второй. Миша матерился так изобретательно, что даже Коршун молча поднял бровь - мол, уважаю.

- Аккумулятор сел, как после праздников! Здесь поле жрёт электричество! Я же говорил! Я же говорил, лейтенант!

- Говорил, - согласился Громов. - Теперь докажи делом. Нам нужно двести метров до складки. Там прикрытие и второй экипаж на подхвате.

Пока Миша лез к щиткам, Громов держал рацию и одновременно слушал дыхание группы. Коршун молчал - хороший признак. Таня перебирала укладку пальцами - тоже хороший: занятые руки меньше дрожат. Коля шептал частоты - рабочий невроз. У всех свои способы не рассыпаться.

- Центр, Авангард-4. Объект типа «врата». Активен. Координаты передаю. Есть тепловой поток, визуальный контакт с пространством иного типа, потеря материального объекта при пересечении границы. Рекомендую поднять дежурные силы. Повторяю: не НЛО. Хуже.

Пауза. В паузе слышно было, как кто-то на том конце прикрывает микрофон рукой и говорит не нам. Громов представлял штабную палатку: свет лампы, карта, лица, которые сначала ищут, кому бы передать ответственность. Это тоже физика - социальная. У неё тоже есть сопротивление среды.

- Шаман, ты пьяный? - наконец спросил комбат.

- Если бы. Тогда бы объяснил проще.

- Держите дистанцию. Не входите. Ждите «Урал» и группу

усиления. Если объект расширяется - отходите к «Клину-1» и жгите дымы.

- Принял.

Громов откинулся на спинку сиденья на секунду - ровно на секунду - и позволил себе закрыть глаза. Под веками ещё стоял лес и чужое солнце. Он открыл глаза и достал блокнот.

«03:41. Врата подтверждены. Отход. Техника теряет заряд в градиенте. Рабочая гипотеза: энергообмен / полевая интерференция. Не мистика. Не паника. Протокол.»

Миша вдруг заорал победно: двигатель ожил, БМП дернулась и поползла.

- Живём! Родная, я тебе потом весь ЗИП отдам!

- Сначала доведи, - сказал Коршун. - Потом любовь.

Пока они ползли к складке, Громов задал группе короткие вопросы - не допрос, а фиксация восприятия, пока память ещё горячая.

- Коршун. Что видел кроме света?

- Следы у кромки. Тяжёлые. И ещё... будто воздух дрожал. Как над горячим асфальтом. Зимой. Это неправильно.

- Таня?

- У меня физиология: у всех тахикардия разной степени. У Коли начало гипервентиляции. У вас, лейтенант, лицо как у человека на экзамене, которому дали задачу из следующего семестра. И запах. Запах реален. Это не коллективный сон.

- Коля?

- Хор. Шаги. Лето. И ещё щелчок, когда гильза пропала.

Как закрыли крышку огромной шкатулки.

- Миша?

- Просадка сети коррелирует с приближением к ложбине, - сказал Миша уже почти академически, хотя руки у него дрожали от злости на поле. - Чем ближе - тем злее. Я могу накидать экраны, массу, заземление... но мне нужно время и чтобы оно нас не укусило, пока я кручу гайки.

- Время будет, - сказал Громов. - Если объект стабилен. Если нестабилен - будет другое время. Короткое.

Они добрались до «Клина-1». БМП встала. Мотор затих. В салоне несколько секунд никто не говорил. Молчание было плотным, как вата в ушах после стрельб. Потом Миша тихо выругался - уже не изобретательно, а устало - и потёр лицо ладонью, оставляя на щеке чёрную полосу смазки.

- Лейтенант... скажите прямо. Мы сейчас на пороге какой-то большой дряни?

- Мы на пороге неизвестности, - ответил Громов. - Дрянь - это уже оценка. Оценки будем ставить после того, как поймём правила.

- Правила, - повторил Коршун. - У всего есть правила. Даже у бардака. Особенно у бардака.

Коля сидел, прижав наушники к ушам, и смотрел в одну точку. Хор ещё иногда прорывался сквозь помехи - слабее, дальше, будто источник уходил или метель толстела. Он вдруг сказал:

- Там... на секунду было слово. Я почти понял. Как «свет»

или «будьте». Или я сам себе его додумал.

- Додумал, - коротко сказал Громов. - Мозг достраивает узор. Это его работа. Наша работа - не принимать достройку за перевод.

Таня проверяла пальцы Коршуна, потом Коли, потом Громова. Её движения были резкими и точными. В какой-то момент она задержала взгляд на лице старшего лейтенанта дольше, чем требовала медицина.

- Вы снова в блокнот, - сказала она. - Пишите. Только не забудьте, что вы тоже из мяса. Мясо на морозе становится статистикой быстрее схем.

- Я помню, - сказал Громов. - Поэтому схемы и нужны. Чтобы мясо вернулось.

Он открыл блокнот и стал писать уже не короткими рублеными фразами доклада, а связным черновиком для себя - тем текстом, который потом сожмут до канцелярита. Писал о градиенте поля, о тепловом кольце, о запахе, о крови, о том, как гильза исчезла без удара. Писал о лесе за аркой и о том, что солнце там было «не нашего цвета». Эта формулировка казалась смешной и точной одновременно. Цвет солнца - вещь, которую человек замечает только тогда, когда она ломается.

Миша заглянул через плечо.

- Вы опять чертите стрелочки. Как в детстве танки рисовали?

- В детстве я рисовал космические корабли, - сказал Гро-

мов. - Танки пришли позже. Оказалось, корабли тоже ползают по земле, только гусеницами.

- Ну хоть честно, - хмыкнул Миша. - А я в детстве рисовал гараж. И вот я в гараже. Мечты сбываются, сука.

Снаружи кто-то подал сигнал светом - короткие вспышки. Подходила группа усиления: ещё одна машина, люди в белых масках, офицер из штаба с лицом человека, которого поднимали среди ночи и лишили права на скепсис. Пока они шли через метель, Громов успел ещё раз просмотреть запись на планшете Коли. Арка. Свет. Лес. Исчезновение гильзы. Всё настоящее до тошноты.

Он подумал о том, как будут говорить об этом завтра. Кто-то скажет «провокация». Кто-то - «ошибка восприятия». Кто-то сразу начнёт искать врага в своих. А кто-то, самый опасный, начнёт искать выгоду. Громов не питал иллюзий насчёт больших кабинетов. Но он знал другое: пока на перевале стоят его люди, реальность имеет хотя бы один честный свидетельский узел - их группу.

Офицер усиления - капитан с обветренным лицом - подошёл к люку и стукнул перчаткой по броне.

- Авангард-4? Громов?

- Я.

- Майор ждёт лично. И чтобы ваш блокнот тоже лично. Пробы - отдельно, под опись. Видео - на носитель штаба. Людей своих не распускать. Никаких разговоров в курилке про «портал в Нарнию». У нас пока нет Нарнии. У нас есть про-

исшествие.

- Есть происшествие, - повторил Громов. - И есть объект. Разница важна.

Капитан чуть прищурился, будто решал, дерзость это или польза. Решил, видимо, что польза.

- Вот именно поэтому вас и послали, Шаман. Идите.

Перед тем как выйти из машины в белую тьму, Громов обернулся к своим.

- Никто не геройствует без команды. Никто не подходит к арке. Никто не рассказывает сказки на перекуре. Мы видели то, что видели. Этого достаточно, чтобы быть серьёзными. И недостаточно, чтобы быть безумными. Держим эту границу.

- Есть, - сказал Коршун.

- Есть, - сказал Коля.

- Постараюсь, - сказала Таня. - Но если кто-то упадёт - буду геройствовать медицински.

- А я, - добавил Миша, - буду геройствовать ключом на двадцать два. Это единственный героизм, которому я доверяю.

Громов кивнул и шагнул наружу. Ветер ударил сразу, целиком, без предисловий. В стороне, за завесой снега, ещё угадывалось фиолетовое дыхание Врат. Казалось, перевал смотрит на них в ответ - не глазами, а самой своей геометрией, внезапно ставшей дверью.

Он шёл к штабной машине усиления и чувствовал, как внутри, под холодом и усталостью, тихо оживает та часть

него, которую в училище дразнили. Не мистик. Не пророк. Просто человек, который всю жизнь ждал, что мир окажется сложнее инструкции, и теперь обязан сделать так, чтобы сложность не сожрала людей раньше, чем будет понята.

В блокноте на последней строке ночи он уже мысленно дописал то, чего пока нельзя было сказать вслух по рации:

«Если это вход - значит, будет выход. Если есть гости - будет климат как оружие. Если есть поле - будет инженерия. Не молиться. Измерять. Не бежать. Окапываться.»

За спиной гусеничный след чёрной раной лежал на белом. Впереди ждали вопросы, на которые у армии пока не было уставных ответов. А над всем этим Урал продолжал метель - честный, древний, безразличный к тому, какие миры решили встретиться в его горловине.

В штабном «Урале» было теплее на пять градусов и душнее на все десять. Ребров сидел над планшетом, увеличивая кадр арки пальцами так, будто хотел раздавить камень через стекло. Рядом стоял человек в гражданской куртке поверх формы - без звания на виду, с глазами, которые слишком спокойно смотрят на невозможное. Громов сразу понял: «куратор». Такие появляются раньше пресс-служб и позже сапёров.

- Докладывай без поэзии, - сказал Ребров.

Громов доложил без поэзии. Цифры. Дистанции. Тесты. Пробы. Поведение техники. Состояние личного состава. Когда закончил, в машине секунду слышен был только обогре-

ватель.

- И ты уверен, что это не постановка? - спросил гражданский ровно.

- Постановку такого уровня теплового градиента и тепловой деградации бортовых сетей на морозе я бы сам награждал, - сказал Громов. - Но тогда у постановщиков слишком дорогой вкус. И слишком мало зрителей.

Гражданский чуть склонил голову - жест почти уважения.

- Рабочая версия на сейчас: аномальный объект. До утра - периметр, наблюдение, запрет входа. Твоя группа - на короткий отдых и снова на позицию. Ты - на описание протоколов взаимодействия. И да, Шаман... если из этой дыры полезет что-то с ушами и знамёнами, зима и правда может стать союзником. Только не зазнавайся раньше времени. Союзники на Урале тоже кусаются.

- Не зазнаюсь, - сказал Громов. - Я окапываюсь.

Ребров хмыкнул несмотря на тяжесть часа.

- Вот. Уже лучше. Иди к своим. И чай им горячий. Сегодня ночью вы заслужили даже наш ужасный чай.

Когда Громов вернулся к БМП, Миша уже кипятил воду на маленькой плитке, нарушая сразу три инструкции и одну здравую мысль о маскировке. Но пар шёл, и это было важнее. Коля писал отчёт дрожащим почерком. Коршун чистил ленту, хотя лента была чистой. Таня сидела с закрытыми глазами - не спала, а собирала себя обратно в целую.

- Ну? - спросил Миша. - Нас лечить или награждать?

- Наблюдать, - сказал Громов. - И жить до утра. Это сейчас высшая форма награды.

Он сел, принял кружку. Чай был ужасный и прекрасный. За стенкой металла метель билась, как живая. А дальше, в ложбине, Врата дышали чужим летом в чужой мир, ещё не зная, что на их пороге уже стоят люди с блокнотом, гусеницами и привычкой зимовать там, где другие предпочитают молиться.

Часы перевалили за четыре. До рассвета было далеко. До большой истории - один шаг по снегу, который ещё предстояло сделать не им одним.

Громов дописал в блокноте последнюю фразу ночи и закрыл обложку.

Перевал больше не был просто точкой на карте учений.

Он стал рубежом.

И рубеж, как известно любому, кто служил на краю карты, всегда требует одного и того же: чтобы кто-то остался сторожить его, когда остальные начнут спорить о названии.

Ещё оставалось время до того серого утра, которое на Урале не столько рассветает, сколько постепенно признаёт, что ночь устала. Громов сидел в салоне БМП после разговора с Ребровым и гражданским «куратором» и слушал, как дыхание группы выравнивается. Это тоже было измерением. Человек после невозможного либо начинает врать себе красиво, либо начинает жить дальше по минутам. Его люди пока выбирали минуты. Это радовало сильнее любого штабного

«принято».

Он вспомнил училище - не парады, а библиотеку после отбоя, где дежурный иногда закрывал глаза на лейтенанта с фантастическим томом под конспектом тактики. Там, между страницами про гиперпространственные коридоры и строками устава, у него впервые сложилась простая мысль: если чудо случится, победит не тот, кто красивее удивится, а тот, кто быстрее переведёт удивление в снабжение, связь и смену постов. Теперь мысль перестала быть литературной. Она стала должностной инструкцией, которой ещё не существовало на бумаге.

- Лейтенант, - окликнул Коля, - можно вопрос не по уставу?

- Можно. Не по уставу иногда честнее.

- Если там лето... там кто-то живёт? И они тоже смотрят сюда? И видят нашу метель как... как ад?

Громов помолчал. Хороший вопрос опасен тем, что тянет за собой мораль раньше разведки.

- Возможно, - сказал он. - Возможно, наша зима для них - испытание или казнь. Возможно, они вообще не смотрят и просто открыли дверь, как мы открываем склад. Не приписывай им наши страхи и нашу поэзию. Сначала дистанция, потом гипотезы о душах.

- Жёстко, - тихо сказала Таня.

- Жёстко - это когда без протокола лезут обниматься с неизвестностью, - ответил Громов. - Мягкость начинается

после того, как все живы.

Коршун, не поднимая глаз от ленты, вдруг произнёс:

- Я в Чечне не был. И в Сирии не был. Я из тех, кого кормят полигонами и обещаниями «настоящего». Вот оно, значит. Настоящее. И почему-то без флага на заставке.

- Флаг успеют привезти, - буркнул Миша. - Не переживай. У нас на любой кошмар найдётся ткань и древко. Главное - чтобы к древку прилагался человек с головой.

Они замолчали снова. За молчанием был слышен ветер и далёкий рокот второй машины, занявшей позицию выше по склону. Периметр оживал. Люди ставили колья, тянули провод, ругались шёпотом, спорили о секторах. Большая история всегда начинается с малого быта: куда поставить термос, кто первый сменит пост, кому нести лишний магазин.

Громов вышел ещё раз - уже под утро, когда тьма чуть поредела и метель стала не стеной, а косой штриховкой. Он поднялся на небольшой уступ и в бинокль поймал ложбину. Врат не было видно сплошняком - их снова прятала белая крупа, - но иногда, между порывами, вспыхивала фиолетовая точка, крошечная, как ошибка на негативе. Ошибка, которая не исчезала, когда моргаешь.

Рядом хрустнул снег. Подошёл Ребров, без свиты, с термосом.

- Ну что, Шаман. Нравится твоя игрушка?

- Не игрушка. Дверь. И она мне не нравится. Она меня интересует. Это разные вещи.

- Разницу запомни и другим объясни, - сказал Ребров. - Сейчас наверх уйдёт первая сводка. Потом приедут умные люди в чистых куртках. Потом приедут ещё более умные, которым нельзя смотреть в глаза. А до них тут будете вы. Не геройствуй. Не дай Коле устроить сеанс спиритизма с антенной. Не дай Мише засунуть в арку сварочный аппарат «на пробу». И следи за жёлтой кровью в контейнере. Если она начнёт светиться - сразу мне.

- Если начнёт светиться, - сказал Громов, - я сначала отойду сам, потом вам доложу. Порядок такой.

Ребров усмехнулся одной стороной рта.

- Вот за это я тебя и терплю.

Они постояли вместе, глядя в белое. Майор вдруг сказал иначе - тише, почти по-человечески:

- Глухов, тот ефрейтор... Он не врал, да?

- Не врал. Он просто рано сказал правду людям, которые ещё не выдали себе разрешение её услышать.

- Тогда передай ему через психоневролога яблоко. Или что там у них за утешение. Пусть знает: его «бред» теперь на карте.

Громов кивнул. В этой короткой заботе о ефрейторе было больше армии, чем в десяти речах про долг. Он вернулся к машине и передал Танье распоряжение - найти канал до медпункта, передать Глухову без подробностей: «ты был прав, держись». Таня посмотрела на Громова с короткой благодарностью, в которой не было сентиментальности - только при-

знание правильного жеста.

К пяти утра ветер чуть стих. Это не значит, что стало легче: на Урале тишина после метели бывает обманчивой, как пауза у бойцовой собаки. Но в паузе можно было услышать больше. Коля поймал хорал снова - слабый, далёкий - и вместе с ним новый звук: низкий рог или трубу, один долгий тон. Не наш сигнал. Не охотничий рог из фильмов. Что-то торжественное и чужое.

- Записал, - сказал Коля. - Если это гимн, то у них плохие новости: гимны любят предшествовать колоннам.

- Колоннам зимой здесь будет плохо, - сказал Коршун. - Пусть пробуют.

Громов не радовался этой уверенности вслух, но внутри отметил: климат действительно станет фактором. Если «го-сти» придут в плащах и доспехах, минус тридцать пять будет работать за них, за «Авангард-4», за весь полигон. Холод - жестокий союзник, но свой. Своих на этой земле недооценивать нельзя.

Он сделал ещё несколько страниц черновика: схемы возможных периметров, идея «тепловых ловушек» и ложных тепловых сигнатур, мысль о том, что генераторы могут глушить не только связь, но и чужую «нить», если верить будущим показаниям тех, кто эту нить чувствует. Пока это было гаданием. Гадание, разложенное по пунктам, всё же лучше паники, размазанной по лицам.

Миша подсел рядом с кружкой.

- Лейтенант, а если туда реально можно ездить... мне же дадут что-нибудь крутить? Ну, не сразу корону эльфов, а хотя бы ихний... ну... динамо-магическое. Я ж для этого родился. Чтобы чужое железо стало нашим после трёх матов и одной прокладки.

- Если дадут, - сказал Громов, - первым правилом будет: не на максимум. Ты и наше на максимум крутишь.

- На максимум - это любовь, - вздохнул Миша. - Ладно. Буду любить дозированно.

Рассвет всё-таки пришёл - бледный, неуверенный, с синяками облаков. В этом свете ложбина выглядела почти обычной. Почти. Фиолетовый глаз Врат то прятался, то открывался, будто моргал в сторону человечества, проверяя, серьёзны ли эти существа в камуфляже. Громов смотрел до рези в глазах и наконец отвел взгляд.

- Всем короткий сон по очереди, - приказал он. - Коршун первый на посту. Коля - на связи. Таня - контроль. Миша - техника. Я - через сорок минут на замену. Никому не смотреть в арку «просто так». Просто так - самый дорогой билет.

- А вы сами? - спросила Таня.

- Я уже посмотрелся, - сказал Громов. - Теперь буду отсматриваться всю оставшуюся жизнь.

Он лёг в кресле водителя, закрыл глаза и не столько спал, сколько проваливался в короткие черные колодцы без снов. Между колодцами всплывали чертежи, лаванда, золотая кровь и чужое солнце. Один раз ему привиделось, что из

арки выходит женщина в белом и смотрит на танк так, будто видит бога, которого нельзя молить. Он открыл глаза и понял: это не сон-предчувствие, а усталость, клещащая образы. И всё же образ не ушёл сразу. Громов записал в блокнот одно слово: «свидетели?» - и снова закрыл глаза.

Когда его разбудил Коршун, на часах было почти семь. Связь с Центром стала ровнее. Снег уплотнялся под ногами. На горизонте двигались точки усиления. Ночь «Метели» формально кончалась. История - нет.

Громов вышел, умылся снегом до боли и посмотрел на перевал как на нового командира: без любви, с готовностью выполнять. В рации уже звучали чужие позывные, новые приказы, просьбы «повторите координаты объекта». Слово «объект» множилось, обрастало бюрократией, становилось безопасным. Громов не возражал. Пусть сначала будет «объект». Имена придут позже - вместе с гостями, вместе с кровью другого цвета, вместе с выбором, кем быть на пороге миров: завоевателями, зимовщиками или людьми, которые умеют держать рубеж, не превращая его сразу в мясорубку.

Он поправил ремень, кивнул своим и коротко сказал то, что стало для группы первым настоящим паролем новой войны:

- Работаем. По метру. По факту. Без сказки.

И метель, будто услышав, ударила снова - сильнее, злобнее, по-уральски честно, напоминая: любой другой мир начнётся только после того, как вы переживёте этот.

К восьми утра на полигоне уже нельзя было притвориться, что ночь была «просто аномальной». Слово «Врата» ещё не произносили в открытую по громкой связи - произносили «объект», «зона», «участок ложбины», - но глаза у людей были уже другими. Громов это видел по тому, как солдаты обходили взглядом северо-восточный сектор: не смотрели прямо, будто прямое смотрение могло заразить. Суеверие рождается быстрее приказов. Приказы потом догоняют суеверие и либо одомашнивают его, либо дают ему оружие.

Он собрал «Авангард-4» у машины на короткий разбор. Не торжественный. Рабочий.

- Что мы сделали правильно: не вошли, зафиксировали, сохранили пробы, вытащили технику, не открыли огонь в пустоту. Что сделали недостаточно: не замерили радиус поля метр за метром, не поставили тепловые маркеры по дуге, не сняли спектр свечения нормальным прибором - только камерой. Это исправим. Что запрещено навсегда: личные эксперименты, «я на минутку», селфи, молитвы вслух у кромки и попытки перекричать хор матом. Мат оставляем для двигателя. Двигатель понимает.

Миша поднял палец.

- Двигатель понимает только конкретный мат. Лирический не берёт.

- Тогда будь конкретен, - сказал Громов. - Вопросы?

- Один, - сказала Таня. - Если появятся раненые «не нашего анатомического стандарта»... я их трогаю?

Громов посмотрел на неё внимательно.

- Трогаешь по протоколу биобезопасности, который нам ещё напишут. До протокола - перчатки, минимум контакта, максимум фото, никаких героических переливаний «на глаз». Ты медик, не святая. Святым потом разрешат спорить.

- Приняла, - сказала Таня. - Я и не святая. Я устала зара- нее.

Коля поднял руку, как в школе.

- А если хор начнёт... ну... звать по имени? Я слышал в фильмах такое.

- Тогда ты не отвечаешь, - сказал Коршун раньше Громова. - В лесу на имя тоже не отвечают. Тут то же самое, только лес хуже.

- Коршун прав, - кивнул Громов. - Имя - доступ. Доступ без аутентификации не даём.

Они разошлись по задачам. День обещал быть длиннее ночи, потому что днём невозможное приходится объяснять людям, которые спали. Громов не завидовал Реброву. Ребров сейчас, наверное, уже орал в несколько телефонов сразу и ненавидел слово «срочно».

Гражданский куратор появился снова ближе к девяти - с термосом получше и с лицом человека, который уже отправил первое сообщение «наверх» и теперь ждёт, кто именно приедет убивать ему карьеру или делать её. Он подозревал Громова в сторону.

- Старший лейтенант, ваш черновик протоколов нужен до

полудня. Не красивый. Убийственно понятный. Пункты: дистанции, запреты, порядок фиксации, критерии эскалации. Если из объекта выйдет пехота - отдельно. Если зверье - отдельно. Если «световой человек» - отдельно. И никаких слов «магия» в документе. Пока.

- В документе будет «неклассифицированное энергетическое/пространственное воздействие», - сказал Громов. - Магию оставим для курилки, когда курилку разрешат.

Куратор почти улыбнулся.

- Вы быстро учитесь канцеляриту. Это страшнее любой арки.

Громов вернулся в салон, открыл блокнот на чистой странице и начал писать уже не для себя - для системы. Система любит списки. Он дал ей списки, как дают сторожевому псу мясо: чтобы не схватила за руку.

«1. Зона «В» (временное имя): радиус наблюдения до уточнения - от опушки ложбины.

2. Вход в световой контур - запрещён до приказа уровня не ниже...

3. Любой материальный тест - только по команде старшего на участке, с видео и страховкой.

4. При появлении живой силы - холод как фактор. Не сближаться. Дать среде работать.

5. При деградации бортовых сетей - отход техники на заранее размеченные точки зарядки/замены АКБ.

6. Гражданские на участок не допускаются. Журналисты

- тем более. Священники - только по согласованию и не к
кромке.»

На шестом пункте он задержался. Священники. Слово само
пришло раньше смысла. Он не был верующим в строевом
смысле. Но он уже слышал хор. И уже подозревал, что война,
если начнётся, будет не только про броню. Впрочем, до
полудня хватит и брони.

Миша сунул ему горячую кружку, не спрашивая.

- Пишите, лейтенант. Я пока придумаю, как заземлить эту
дрянь, чтобы она батареи не жрала. Если поле - то контур.
Если контур - то я его укушу раньше, чем оно нас.

- Не кусайте без схемы, - сказал Громов.

- Я без схемы только жену когда-то рассердил, - сказал
Миша. - Больше без схемы никого.

К десяти утра снег чуть уплотнили гусеницами чужих машин.
На карте Реброва появилась кривая линия периметра. На языке
людей это уже называлось «закрыли». На языке реальности
закрыть дверь, которая не на вашей петле, нельзя - можно
только встать рядом и не пускать дураков. Громов понимал
разницу и всё равно был благодарен кривой линии: она давала
солдатам иллюзию порядка, а иллюзия порядка иногда удерживает
настоящий порядок до подхода тяжёлых решений.

Он ещё раз поднялся на уступ. Врата моргнули сквозь белое -
далеко, зло, прекрасно. Где-то там, за фиолетовой мембраной,
существовал лес и, возможно, империя, и, возможно,

но, жрецы, и, возможно, тварь с золотой кровью. Здесь существовали БМП, грелки, мат механика и блокнот старшего лейтенанта. Два мира ещё не ударили друг друга по-настоящему. Они только соприкоснулись краями, как льдины в половодье.

Громов сжал карандаш до боли в пальцах и тихо, почти беззвучно, сказал перевалу то, что не скажешь в рапорт:

- Ладно. Держись. Мы тоже будем держаться.

Ветер сорвал слова и унёс в ложбину. Возможно, туда. Возможно, никуда. Это было неважно. Важно было другое: ночь закончилась не катастрофой группы, а началом работы. А работа, если её не бросать, иногда оказывается сильнее чуда.

Он спустился к своим. «Авангард-4» ждал следующего приказа уже не как учебная единица, а как люди, которые видели дверь и остались людьми. Громов ценил это выше любой медали, которой ещё не придумали для такого случая.

Над полигоном день наконец признал себя днём. Метель не сдалась - только отступила на передышку. Впереди были гости, железные ответы, чужие боги и свои трубы. Но это был уже другой счёт часов.

А глава о первом касании закрывалась просто и тяжело, по-уральски, без лишней музыки:

они нашли рубеж раньше, чем рубеж нашёл их города.

Перед тем как окончательно отпустить ночь в прошлое, Громов ещё раз прошёл цепочку своих решений - не для са-

моуспокоения, а для охоты на ошибку. Ошибки любят прятаться в местах, где человек собой доволен. Он не был доволен. Значит, шанс найти промах ещё оставался.

Первое: слишком долго смотрел в свет. Не критично, но достаточно, чтобы Коля успел надышаться чужим летом глубже, чем нужно. Второе: бутылку и химсвет стоило привязывать на длинный шнур с метками - оборвался чисто, данных о толщине мембраны почти нет. Третье: пробу крови взяли, но не зафиксировали температуру контейнера посекундно. Мелочь. Мелочи потом кусают отчёты.

Он записал три пункта красной ручкой - у него в термосе нашлась и красная, потому что мир иногда требует цветов для приоритетов. Потом добавил четвёртый: «Поблагодарить группу отдельно, не публично». Публичная благодарность на полигоне быстро становится поводом для зависти и шуток. Личная - становится клеем.

Громов подошёл к каждому.

Коршуну сказал: «Сектор держали правильно. Так и дальше - края важнее центра». Коршун кивнул так, будто получил патрон, а не комплимент.

Коле: «Запись чистая. Ты не герой фильма. Ты свидетель. Свидетелям дают дожить, если они не лезут в кадр». Коля усмехнулся криво и впервые за ночь выглядел немного моложе своего страха.

Тане: «Вы нас собрали обратно руками. Это тоже разведка». Таня ответила: «Тогда требую в следующий раз тёплый

санпропускник, а не сугроб». - «Потребую», - сказал Громов и не соврал: потребует, даже если получит отказ.

Мише: «Машину вытащил. Поле не проглотило. Считаю ничью, которую мы оформляем как победу». Миша хлопнул его по плечу грязной перчаткой: «Ничья - это когда я жив и гаечный ключ на месте. Ключ на месте. Я тоже».

Только после этого Громов позволил себе сесть и понять простую вещь: они пережили не чудо. Они пережили первую смену на новом рубеже. А чудо, если оно вообще заслуживает этого слова, теперь обязано будет проходить через КПП, журнал и людей, которые умеют мерзнуть без паники.

Ветер ударил в борт БМП, и металлический звук вышел почти уютным. Громов закрыл блокнот. На обложке от инея остался белый след пальцев - короткий, человеческий, наш.

Где-то в ложбине пульсировал чужой свет.

Здесь, на складке «Клин-1», пульсировала обыкновенная жизнь: чай, мат, радиопереговоры, запах масла.

Между ними лежал перевал.

И перевал, впервые за эту ночь, казался не проклятием старых туристских легенд, а работой, у которой завтра будет продолжение.

Так закончилась первая глава их новой службы - не взрывом и не речью на плацу, а тихим пониманием, что карта мира теперь врёт полезно: на ней появилась дыра, и дыра эта требует охраны реальнее любого склада ГСМ.

Громов это понимал без высоких слов. Высокие слова

потом придумают другие. Его дело было проще и тяжелее: довести людей до следующего приказа живыми, сохранить факты от расползания в байки и не дать страху стать единственным переводчиком чужого хора.

Он ещё раз проверил контейнер с золотистой кровью. Не светилась. Не пузырилась. Просто была - невозможная и вещественная. Рядом лежал носитель с видео. Рядом - блокнот. Три якоря реальности. На них и удержатся, пока не придут те, кто начнёт спорить о праве якоря на существование.

- Авангард-4, - хрипнула рация голосом Реброва, - отдыхаете по очереди. К полудню - на связи. Шаман, черновик протоколов жду. И да... хорошая работа. Это я сказал. Не повторять лишний раз, а то избалуетсяь.

- Принял, - ответил Громов. - Не избалуемся. Нам теперь не до баловства.

Он отпустил тангенту, взглянул на своих и коротко кивнул - можно дышать. Можно даже на пять минут притвориться, что за перевалом по-прежнему только Урал, метель и учебные мишени.

Притворяться никто не стал.

Но жить - стали дальше.

А это, на рубеже трёх миров, уже было первым настоящим успехом.

Перевал молчал по-зимнему. Врата - по-чужому. Люди - по-деловому. И в этом тройном молчании уже слышался будущий гром.

Глава 2. Гости

Рассвет на Урале не столько наступал, сколько просачивался - серой полосой между метелью и усталостью людей. К полудню после открытия Врат полигон «Северный рубеж» уже не выглядел учебным. Он выглядел занятым: кривые линии периметра, белые маскхалаты на склонах, гусеничные следы, пересекающиеся как шрамы, и запах солянки, который даже минус тридцать пять не мог до конца убить.

Старший лейтенант Алексей Громов спал урывками - по двадцать-тридцать минут, между докладами и проверками компаса. Компас всё ещё врал, но врал уже «привычно», как лживый знакомый, чьи повадки начинаешь учитывать. В блокноте к утру появилась новая страница: схема секторов, точки прогрева техники, пометка красным - «если выйдут - холод работает на нас». Он не знал ещё, насколько быстро эта строка перестанет быть гипотезой.

Миша Кузнецов к этому часу уже успел проклясть поле, благословить запасной аккумулятор, ещё раз проклясть поле и выпить три кружки чая, каждая из которых остывала быстрее предыдущей. БМП стояла в складке «Клин-1» с заглушённым мотором и выглядела так, будто дремала с одним открытым глазом.

- Лейтенант, - сказал Миша, когда Громов снова появился у люка, - у меня к вам бытовой вопрос стратегического зна-

чения. Если из дыры вылезет кто-то тёплый и глупый - мы его греем или морозим?

- Сначала считаем, - ответил Громов. - Потом решаем, что выгоднее: тепло как допрос или холод как союзник.

- Вы опять говорите как учебник, который подрался с жизнью и пока не проиграл, - хмыкнул Миша. - Ладно. Я тогда грелку на всякий случай припрячу. И лом. Лом универсален.

Коля Семёнов сидел в наушниках так плотно, будто хотел врасти в эфир. Хор за ночь не исчез. Он стал тише, глубже, иногда срывался на отдельные голоса - как будто процессия то приближалась к мембране, то отходила. Раз в несколько минут Коля поднимал палец: «есть», и все невольно смотрели в сторону ложбины, хотя смотреть там было не на что - только белая крупа и редкие вспышки фиолетового.

- Они там... шевелятся, - сказал Коля хрипло. - Не знаю, как объяснить. Раньше хор был как запись. Теперь - как репетиция перед выходом на площадь.

- Не объясняй метафорами в эфир, - предупредил Громов. - В эфир - факты. Метафоры оставь мне в блокнот. Я их потом сам убью канцеляритом.

Коршун молча проверял пулемёт уже в четвёртый раз за утро. Таня Орлова разложила укладку так, чтобы в темноте и панике находить нужное на ощупь. Она не спрашивала «будет бой?». На её лице было написано другое: «когда будет - не облажаюсь».

К десяти утра майор Ребров приехал на «Клин-1» сам -

без лишней свиты, зато с глазами человека, которому за ночь позвонили сверху трижды и ни разу не сказали ничего утешительного. Гражданский куратор торчал рядом, как тень с термосом.

- Коротко, - сказал Ребров. - Объект стабилен. Периметр закрыт. Сверху велено «наблюдать и не провоцировать». Я спросил, что считать провокацией, если провокация выйдет сама. Мне ответили красиво и бесполезно. Поэтому слушайте меня. Если из Врат ползет живое - не геройствуем. Огонь только по команде. Пленных - если будут - живыми. Трупы - тоже учитывать, не пинать для фото. Громов, ты на переднем крае наблюдения. Твоя группа знает запах этой дряни лучше остальных.

- Так точно, - сказал Громов.

- И ещё, - Ребров понизил голос. - Если начнётся, зима - наш. Не забывай. Но не молись на неё. Зима кусает всех подряд, просто некоторых быстрее.

Он уехал, оставив после себя запах табака и ощущение, что большая машина государства уже начала поворачиваться - медленно, скрипуче, но неизбежно. Громов смотрел ему вслед и думал: хорошо, что поворачивается. Плохо, что поворачивается всегда с опозданием ровно на одну человеческую жизнь.

День тянулся вязко. Метель то отпускала, то снова вставала стеной. В короткие окна видимости ложбина выглядела почти невинно: снег, камни, намёк на чёрную арку. В длин-

ные окна невидимости мир снова становился слухами и приборами. На соседнем секторе кто-то из срочников умудрился обморозить ухо, несмотря на все предупреждения. Таня съездила туда на снегоходе, вернулась злая и сказала:

- Ухо оставим. Мозг ему не пришьёшь. Пусть сидит у печки и рассказывает байки, как он «почти видел эльфа».
- Эльфа ещё не было, - заметил Коля.
- Тем хуже для байки, - отрезала Таня.

Громов использовал паузу жёстко: гонял группу по секторам, заставлял повторять сигналы отхода, проверял, кто где лежит, если начнётся «плотный контакт». Он рисовал на снегу палкой дуги и стрелки, как в детстве чертил космические трассы - только теперь ценой ошибки был не порванный лист, а человек.

- Если полезет пехота в железе, - говорил он, - не стреляйте по самому красивому. Красивый часто оказывается командным. Но сначала - дистанция и холод. Пусть среда делает часть работы. Нам хватит и оставшейся.

- А если магия? - спросил Коршун без улыбки.
- Если магия, - сказал Громов, - то она тоже тратит что-то. Ищем, что. Тепло, внимание, кровь, время - неважно. Всё, что тратится, можно учитывать. А то, что учитывается, можно бить.

К пятнадцати часам Коля сорвался с места так резко, что наушники съехали набок.

- Лейтенант! Громкость хора прыгнула. И... шаги. Много.

Не один копытный. Строй. Слышите? Нет, вы не слышите. Но я слышу. Они идут к мембране. Как на парад.

Громов не стал спорить с ушами связиста. Он поднял рацию.

- Центр, Авангард-4. По акустике и эфиру - активность объекта растёт. Возможный выход живой силы. Прошу подтвердить готовность огневых средств на секторе «Север-Ложбина». Наблюдение продолжаю.

- Принял, - ответил Ребров почти сразу. - Жги дым только по команде. Огонь - только по команде. Шаман, глаза шире спины.

Фиолетовый свет в ложбине вспыхнул ярче - не вспышкой взрыва, а как будто кто-то открыл печь в тёмной избе. Метель вокруг арки закрутилась воронкой, и на миг всем, у кого был тепловизор, стало видно: из тепла вываливаются силуэты. Много силуэтов. Тёплых. Живых. Чужих.

- Вот и гости, - тихо сказал Миша. - А я чайник не допил.

Лорд Каэлен, командир авангарда Империи Солнца, шагнул через Врата с ощущением триумфа, которое успело прожить ровно два сердечных удара.

Первый удар - гордость: он шёл первым, как положено крови и званию, под золотым штандартом, в плаще, расшитом символами Предвечного. За ним - легионеры фаланги «Золотой Клин», орки-штурмовики клана Железной Слюны, жрец третьего круга с факелом живого огня. Они гото-

вились к этому переходу трое суток молитв и карт. Варварские земли. Дикий край. Место, где нет настоящей магии и потому нет настоящей силы. Каэлен уже видел в воображении город: дым очагов, толпу, падающую на колени, и своё имя в хронике присоединения.

Второй удар - холод.

Холод вошёл в него не как погода, а как удар копьём под дыхание. Воздух резанул горло. Плащ, тяжёлый от золотого шитья, мгновенно отяжелел ещё и от инея. Снег бил в лицо крупницами, и каждая крупница казалась крошечным проклятием. Каэлен на секунду потерял зрение - не от тьмы, от близны.

- Во имя Солнца и Императора! - всё же выкрикнул легионер справа от него, верный ритуалу сильнее здравого смысла. - Варварские земли, склонитесь!

Ветер сбил с него шлем. Плащ покрылся инеем так быстро, будто его окунули в жидкое стекло. Легионер моргнул, пытаясь понять, почему ритуал не работает: обычно после таких слов земля хотя бы вздрагивает от страха. Земля здесь только скрипела под сапогом и хотела его убить.

Орк-штурмовик позади захрипел:

- Кха... воздух... режет! Кхааа... это не воздух. Это ножи!

Жрец третьего круга поднял факел обеими руками. Пламя Предвечного вспыхнуло жадно - правильным храмовым цветом, золотом с белой сердцевинкой. Снег вокруг мгновенно стал паром. Пар тут же сел льдом на бороду жреца, на рес-

ницы, на края капюшона. Жрец закашлялся, и кашель вышел жалким, совсем не литургическим.

- Что... за проклятое место...

Каэлен выпрямился силой воли, которая в Империи ценилась почти так же высоко, как магия крови. Он видел, как орки валяются на колени не от почтения - от того, что пальцы на топорах белеют и перестают слушаться. Видел, как легионеры стучат зубами и пытаются строить щитовой строй на снегу, который предательски уходит из-под ног. Видел, как штандарт дрожит не от ветра славы, а от дрожи оруженосца.

- Строй! - рявкнул Каэлен. - Это испытание! Варвары прячутся в своей белой скверне! Найдём их город и...

Он не договорил. Потому что услышал звук, которого не было ни в одном трактате о варварах.

Дизель.

Низкий, тяжёлый, живой рык железа, которое ест огонь не храмовый, а какой-то иной - вонючий, густой, упрямый. Потом - лязг. Ритмичный, ползучий, будто огромный зверь шёл по камням когтями из металла.

Каэлен повернул голову. В белой пелене метели что-то двигалось. Не грифон. Не химера. Не даже осадный голем Столицы, которых он видел на парадах. Это было ниже, злее, без ауры. Просто форма и шум.

- ...что это за зверь? - выдохнул он.

Жрец щурился на восток, пытаясь нащупать нить магии в воздухе, и морщился всё сильнее.

- Нити рвутся, владыка. Здесь... шум. Железный шум. Он глушит молитву, как песок глушит кровь в ране.

- Тогда жги сильнее, - приказал Каэлен. - Солнце не отступает перед снегом.

Он ещё верил в это. Ещё две минуты. Потом вера начнёт трескаться вместе с губами.

С российской стороны гости выглядели иначе - не эпически, а тепловизорно.

- Центр, крупная группа, - докладывал оператор с соседнего пункта. - Выход из объекта. Пехота... вроде пехота. Есть крупные. Есть с штандартами. Идут плотно. Тепло яркое. Мороз их сразу берёт.

В окопе у «Клина-2» пулемётчик шепнул напарнику:

- У них топоры. И... кабан мордастый.

- И позолота, сука, - ответил второй. - Как на параде. Кто на парад в минус тридцать пять прётся? Долбо... гости, значит.

Громов лежал на бруствере с тепловизором и говорил в рацию спокойно - тем голосом, которым у него получалось удерживать чужие руки на предохранителе.

- Центр, это Шаман. Цель - пехота dospешная, тепловая сигнатура слабая и падает. Холод их убивает быстрее нас. Предлагаю дать подойти ближе. Экономия боекомплекта. И... проверка: умеют ли они воевать в среде, или только шествовать.

Пауза. В паузе слышалось, как Ребров матерится беззвучно - это было почти слышно даже по радио, по одному только ритму дыхания.

- Холоднокровный ты ублюдок, Шаман, - сказал комбат наконец. - Разрешаю сближение до рубежа «Берёза». Но если махнут палочкой - жги. Если полезут бегом - жги. Если я передумаю - тоже жги. Вопросы?

- Нет, - сказал Громов. - Работаем.

Он обернулся к своим.

- Коршун - сектор по штандарту и тем, кто орёт команди. Коля - пеленг и запись, даже если руки трясутся. Таня - назад на десять, укрытие, готовность к «своим и чужим». Миша - машину не глушить полностью, но и не реветь. Нам нужна возможность уйти, не устроить концерт.

- Я могу реветь тихо, - пообещал Миша. - Это мой талант.

Гости продвигались медленно. Снег пожирал их строй. Золотые плащи становились белыми, потом серыми от наста. Орки рычали и били себя по груди, пытаясь разогнать кровь. Жрец снова и снова поднимал факел: вспышка - пар - лёд - кашель. Красивая магия в этой среде выглядела дорогой глупостью - как лить духи в костёр.

Каэлен поднял меч. Клинок вспыхнул слабым солнечным маслом - заклинание клинка, которое в Империи расходилось жаром по врагам. Здесь жар прожил мгновение и исчез, будто его съели.

- Рыцари Солнца! - крикнул он хрипло. - Вперёд! За Им-

пе...

Он не успел сказать «за Императора».

Очередь КПВТ разрезала белую тишину так, будто кто-то рванул небо молнией неправильного цвета. Щитовой строй, привыкший к стрелам и копьям, сложился внутрь себя. Один щит улетел целиком - вместе с рукой. Орк рядом взвыл не от боли сразу, а от непонимания: удара клинка не было, была просто дыра в мире, и он в эту дыру попал.

- Демоны! - заорал другой орк, падая лицом в сугроб. - Железные демоны без ауры!

Жрец вскинул руки.

- Стена огня!

Стена вспыхнула поперёк ложбины - красиво, страшно, правильно по храмовым канонам. На секунду снег отступил. На секунду Каэлен снова поверил, что мир можно поставить на колени силой имени. А потом фугасный снаряд вошёл в стену так, будто стена была декорацией школьного спектакля. Вспышка, удар, пар, крики. Огонь рассыпался клочьями и погас, не найдя, за что зацепиться в этой режущей белизне.

- Это не магия... - прошептал Каэлен, глядя на рвущийся строй. - Это...

Из белой пелены вышел Т-90.

Он шёл медленно, тяжело, оставляя за собой чёрный след на снегу. Дуло поднялось - не театрально, а скучно, по-работному. Белый камуфляж делал его похожим на кусок самой зимы, решивший вдруг обрести характер и ствол.

Внутри танка механик-водитель сказал хрипло:

- Цель в секторе. Красивые слишком.

Командир танка усмехнулся без веселья.

- Красивых не жалко. Выстрел.

Удар пришёл раньше, чем Каэлен успел назвать это слово «выстрел» в своём языке. Золотой штандарт взлетел и воткнулся в сугроб, как сломанное дерево. Ударная волна швырнула лорда на колени. Во рту стало солоно. В ушах - пусто. Перед глазами - метель и куски того, что ещё минуту назад называлось фалангой.

- Император... прости... - выдохнул он в снег.

Не успел понять, услышат ли его. Не успел понять, есть ли смысл в прощении на этой широте.

Бой длился не как песня - как протокол.

С российской стороны работали коротко: очереди, корректировка, короткие доклады. Никто не бежал с криками «за родину» в лоб по сугробам - незачем. Гости сами лезли в зону, где их уже ждали прицелы и холод. Кто-то из орков всё же добрался почти до проволоки на ближнем рубеже - огромный, синий от мороза, с топором, на котором горели слабые руны. Коршун снял его очередью по ногам, потом коротким контрольным. Топор упал отдельно, как отрезанная идея войны.

- Центр, Шаман, - говорил Громов, не повышая голоса. - Соппротивление очаговое. Есть применение открытого пла-

мени и световых эффектов. Эффект по броне - слабый. По живой силе противника холод эффективнее половины наших очередей. Рекомендую не преследовать вглубь объекта. Держать рубеж.

- Держим, - ответил Ребров. - «Град» наготове, но по ложбине бьём только если полезет вторая волна. Не хочу размазать арку вместе с вашими будущими пробами. Учёные меня потом сожрут без соли.

- Учёные ещё не приехали, - заметил Громов.

- Тем хуже. Значит, сожрут заранее и в кредит.

Где-то справа бахнула «Мста» - не полным залпом, точно, по скоплению у кромки Врат, где кто-то пытался поставить «щит веры» из нескольких жрецов сразу. Щит вспыхнул куполом. Купол дрогнул. Второй снаряд купол уже не пережил. Когда пар осел, на снегу осталась геометрия боли: круги, пятна, обломки золота.

Коля всю драку шептал в регистратор частоты и срывы эфира:

- В момент залпа хор сбивается. В момент очереди - тоже. Железный шум глушит их «нить». Лейтенант был прав. Лейтенант опять был прав. Ненавижу, когда он прав так быстро.

- Ненавидь потом, - бросила Таня, не глядя. - Сейчас дыши ровнее. У тебя опять рука к шее. Не души себя кабелем.

Миша из БМП вдруг высунулся и заорал сквозь ветер:

- У меня снова просадка! Твари со своим факелом жрут сеть! Или поле жрёт! Или я жру нервы! Кому что удобнее!

- Глуши лишнее и сиди, - ответил Громов. - Если скажу «сейчас» - рвём на «Клин-1».

Но «сейчас» не понадобилось. Через десять-двенадцать минут - Громов засек время почти автоматически - организованное сопротивление на снегу кончилось. Остались пленные, раненые, трупы и те, кто полз обратно к фиолетовому свету на четвереньках, оставляя за собой тёмные полосы. Врата приняли беглецов без жалости и без торжества - просто как дыра принимает вещи.

Тишина после боя всегда врёт, будто всё кончилось. Громов этой тишине не верил. Он верил осколкам, стонам и тому, как быстро люди начинают придумывать названия случившемуся.

- Центр, Авангард-4. Рубеж удерживаем. Запрашиваю санитаров и конвой под пленных. Есть... нестандартная анатомия. Повторяю: нестандартная.

- Идут, - сказал Ребров. - И Шаман... если там кто-то ещё в белом и целый - не убивай сразу. Мне таких надо живыми. Особенно тех, кто смотрит умнее топора.

Громов поднял тепловизор и провёл по кромке Врат.

В белой крупе, чуть в стороне от основного мяса боя, стояла фигура. Не орк. Не легионер в тяжёлом строю. Плащ - светлее, край богаче. Осанка - не солдатская. Даже на расстоянии было видно: человек смотрит не как воин, проигравший стычку, а как жрец, у которого на глазах переломили алтарь.

- Вижу, - сказал Громов. - Работаем аккуратно.

После - запах гари, аптечки и мокрого железа.

Таня бинтовала орка прямо на снегу, набросив на него чужой плащ и свой теплоизол. Орк был огромный, зелёно-серый, с клыками и глазами, в которых ярость боролась с детским непониманием. Он рычал, когда спирт касался раны, но не кусал - то ли сил не было, то ли что-то в лице Тани останавливало даже штурмовика клана Железной Слюны.

- Ты... враг, - выдавил он ломаной смесью, в которой Громов позже услышит корни нескольких языков Империи. - Зачем...

Таня не отвлекалась от бинта.

- Потому что если сдохнешь - некому будет отвечать на вопросы. Держи. Не кусай.

Орк моргнул. Для него, видимо, формула «враг лечит» была тяжелее любого снаряда. Он откинул голову назад и выдохнул пар столбом - уже слабее.

Рядом Коля снимал на видео наручники на legionере: обычные, стальные, злые от холода. Legionер дрожал так, что зубы выбивали дробь. Коршун набросил ему на плечи куртку с убитого - нет, с раненого своего же, который успел снять слой сам и швырнуть: «На, а то подохнет до допроса». В этом жесте не было гуманизма из учебника. Был расчёт и странная солдатская брезгливость к бессмысленной смерти.

Миша подошёл к Громову, отряхивая варежки. На щеке у

него снова была смазка - боевой грим механиков.

- Лейтенант. Они за десять минут половину своих потеряли. Не от нас. От мороза. Я ж смотрел: пока мы целились, они уже синели. Красивые доспехи, а тепло держат как решето.

- Значит, зима - наш союзник, - сказал Громов. - Запишем в устав нового театра военных действий. - Он кивнул в сторону Врат. - И найдите ту, что в белом. Жрица. Она смотрела не как солдат. Как человек, у которого мир сломался.

- Найти и... - начал Коршун.

- Не убить, - закончил Громов. - Пока.

Они пошли цепочкой вдоль кромки. Снег был испорчен боем: красное, чёрное, золотистое - вот оно, новое смешение палитры перевала. Громов заставлял себя не философствовать. Философию оставит на ночь, если доживёт без новых сюрпризов. Сейчас - объекты, точки, пленные, угрозы.

Фигура в светлом плаще не убегала. Она стояла на коленах у воронки - нет, ещё стояла на ногах, но так, будто колени уже не получали приказов от головы. Плащ по краю тлел и дымил. На груди тускло поблёскивал диск. Глаза были широко открыты и не моргали от ветра - либо магия держала, либо шок.

Громов навёл прицел, потом опустил ствол.

Ещё не сейчас. Ещё не Вера. Ещё не имя. Пока - силуэт и решение не добивать.

- Живая, - сказал он в рацию. - Беру под контроль. Прошу конвой и переводчика... если переводчика у нас внезапно

завели за ночь.

- Переводчика нет, - отозвался Ребров. - Есть ты, блокнот и кулак Тани. Хватит на первое свидание.

Громов сделал шаг ближе и поднял пустую ладонь - универсальный знак «не стреляю», который понимают даже те, кто никогда не видел автомата. Женщина смотрела на него так, будто видела не человека, а ходячее отрицание молитвы.

- Железные монстры... без магии... - прошептала она на своём языке. Смысл Громов узнал позже. Сейчас он узнал другое: голос красивый, сломанный и опасный именно своей ясностью.

Он не ответил речью. Он ответил делом: кивнул Тане, указал на рану у плеча женщины, жестом приказал Коршуну держать дистанцию. Миша за спиной бормотал:

- Ну всё. Теперь у нас официально международные отношения. Надеюсь, в столовой порции пересчитают.

Ветер сорвал с Врат новую порцию фиолетового света. Казалось, арка дышит чаще - будто мир за ней тоже понял, что первый визит закончился плохо, и начал готовить второй. Громов посмотрел на кровь на снегу, на пленных, на танк, который уже откатывался назад в складку, и впервые за сутки почувствовал не тревогу наблюдателя, а тяжесть командира стычки.

Гости пришли.

Гостей встретили.

А перевал, сытый метелью и чужим золотом, молчал так,

будто ждал, кто сделает следующий шаг - и сколько этот шаг будет стоить обоим мирам.

До того как лорд Каэлен сделал свой первый шаг в белое, на российской стороне уже успели устать от ожидания - особой усталости, которая хуже беготни. Ожидание на морозе жрёт людей методично: сначала шутки, потом разговоры, потом даже желание ругаться. Остаётся только дыхание и привычка смотреть в сектор.

На точке «Клин-3» срочник Петров - тот самый, что потом получит лёгкую контузию от чужого огня, - шептал напарнику:

- Слушай, а если это киношники? Ну, тайные учения с пиротехникой. Золотые плащи. Спецэффекты.

- Киношники в такой холод сами бы сняли плащи и снялись домой, - ответил напарник. - Сиди и смотри. Если кино - нам за массовку всё равно не заплатят.

Громов эти разговоры слышал краем и не пресекал слишком жёстко. Полный запрет на болтовню делает из людей пружины. Пружины на морозе лопаются злее. Он разрешал тихий шум до тех пор, пока шум не начинал мешать слушать Колю и ветер.

В 14:52 Коля вдруг снял один наушник и сказал странную вещь:

- Пахнет... храмом. Не нашим. Ладаном, но слаще. И металлом. Как будто кадило ударили о броню.

Таня принялась и кивнула.

- Есть. Органика плюс озон снова. Перед выходом они «накачивают» мембрану. Или себя. Или и то и другое.

- Фиксируй время, - сказал Громов. - Если паттерн повторится перед каждой волной - получим предвестник. Предвестник дороже двух «Градов».

Он не преувеличивал. В войне, где враг выходит из дыры, минуты предупреждения стоят дороже героизма. Героизм потом пририсуют художники. Минуты спасают тех, кого художники обычно не рисуют.

Когда свет вспыхнул и силуэты повалили наружу, на нескольких точках одновременно щёлкнули предохранители. Звук этот маленький, почти домашний - и оттого особенно страшный. Громов поднял кулак: ждать. Ждать было физически больно. Гости шли красиво, даже синея. Красота врага всегда провоцирует палец раньше мысли.

Каэлен в эти секунды ещё пытался командовать так, как командовали в учебниках Империи: голосом, осанкой, именем. Он кричал legionaries держать щиты выше, оркам - не рваться вперёд без знака, жрецу - греть строй. Жрец грел. Огонь вспыхивал островками. В этих островках люди Империи оживали на несколько вдохов - и снова тускнели, едва отходили от тепла. Выглядело это жутко и жалко: война в режиме «подогретой рыбы», которую снова и снова кладут на лёд.

Один из орков - не Гарр, другой, с белой полосой на морде

- вдруг заорал и попытался вернуться в Врата. Каэлен лично ударил его плоской стороной клинка по плечу.

- Назад - только с победой! - прохрипел лорд. - Империя не отступает в первую минуту!

Это была правильная фраза для парада и смертельная для перевала. Орк остался. Через минуту его уже не существовало как боевой единицы: очередь с фланга сняла его вместе с двумя легионерами, которые слишком плотно жались к «живому щиту». Плотность строя, гордость фаланги, стала мишенью. Громов это отметил сразу.

- Центр, Шаман. У противника скученность высокая. Классика доогнестрельной дисциплины. Рекомендую работать по скученности, не по героям.

- Работаем, - коротко сказал кто-то с артиллерийской корректировки. - Красиво стоят. Исправляем.

Когда ударил КПВТ, Каэлен впервые в жизни услышал смерть, которую нельзя парировать клинком. Он видел стрелы. Видел боевые заклинания. Видел даже редкий «перст Солнца» - луч из небесного зеркала храма, которым жгли мятежные башни. Но это было иное: не свет, не знак, а просто быстрые удары материи, сыплющиеся из белой пустоты. Воины падали, не успев назвать имя убийцы. Для людей Империи отсутствие лица у смерти оказалось отдельным ужасом.

- Стена огня! - крикнул жрец уже не торжественно, а отчаянно.

Стена встала. Внутри неё Каэлен на миг снова стал собой

- лордом, а не дрожащим мясом. Он даже успел подумать: вот, испытание кончилось, варвары покажут лицо, и начнётся настоящая битва мечей. Мысль не дожидаясь конца. Снаряд вошёл в огонь, и мир сложился в удар.

То, что произошло дальше, Каэлен помнил клочками. снег во рту, чужой сапог, вспышка танка, штандарт в сугробе, собственный голос с мольбой к Императору. В Империи лорды не молят на снегу. На этом снегу лорды молили. Значит, либо он больше не лорд, либо снег сильнее титула. Оба варианта были невыносимы.

С танком у него не сложилось отношений с первого взгляда. Каэлен пытался нащупать ауру зверя - привычный жест командира, который оценивает химеру или боевого грифона. Ауры не было. Была масса, шум, запах гари и движение дула. В его картине мира существовали твари без ума, но с жадностью. Этот зверь был без жадности. Он работал. Работа без злости пугала сильнее злости: на злости можно играть, работу можно только пережить, если повезёт.

Когда снаряд танка лёг рядом, Каэлен уже не командовал. Он существовал. Иногда для первого визита в чужой мир этого достаточно, чтобы потом рассказать хоть что-то.

На российской стороне бой тоже имел свою внутреннюю кухню - менее золотую, более матерную.

Наводчик «Мсты» на закрытой позиции ругался на поправки ветра и одновременно восхищался вполголоса:

- Они ж как мишени выстроились. Кто их так учил? В ряд, красиво, чтобы мама фотографировала.

- Мама их в храме фотографировала, - ответил командир орудия. - А мы тут не мама. Давай квадрат. Тише восторг.

В окопе Коршун работал коротко, очередями «по делу». Он не смотрел на лица. Лица в тепловизоре и так были пятнами. Пятна проще. Потом, позже, лица всё равно придут - в чае и в тишине. Сейчас они были лишними.

Коля один раз вскрикнул, когда чужой факел вспыхнул слишком близко к их сектору и рация зашипела белым шумом:

- Глушит! На три секунды совсем глушит!

- Значит, их огонь - не только тепло, - сказал Громов. - Пиши: «кратковременная деградация связи при вспышке культа». Потом пригодится тем, кто будет вешать глушилки на оборот.

Таня во время боя не геройствовала наружу. Она сидела в назначенном укрытии и считала: сколько может прийти «тяжёлых», сколько бинтов уйдёт на ожоги, сколько - на пулевые, сколько - на обморожения пленных. У неё в голове уже стояла полевая сортировка. Когда первый орк рухнул у проволоки живым, она сорвалась сразу - не раньше сигнала Громова, но и не секундой позже. В этом был её профессионализм: не любовь к риску, а ненависть к опозданию.

Миша в эти минуты больше всех напоминал человека на электрическом стуле, который сам этот стул чинит. Лампоч-

ки мигали, заряд проседал, он орал на провода и обещал им развод. Когда стенка огня вспыхнула, бортовая сеть моргнула так, будто перекрестилась не тем местом.

- Всё! - завопил Миша. - Они жрут поле! Лейтенант, скажите им, что у нас профсоюз энергетиков!

- Скажу после, - ответил Громов. - Если останется кому слушать.

После «после» как раз и началась та странная минута, когда стрельба редет, а мозг ещё не верит. Кто-то на фланге дал лишнюю очередь в сугроб - нервы. Старший окрикнул. Окрик тоже был частью боя: остановить своих иногда важнее, чем добить чужих. Громов вышел из-за бруствера только когда Коршун кивнул: сектор чист по ближней кромке.

Снег был испорчен окончательно. Идти по нему значило читать новую грамоту: здесь полз, здесь стоял, здесь кого-то рвануло вместе с молитвой. Золотые обломки доспехов торчали как зубы. Громов нагнулся, поднял обломок пластины - тяжёлый, украшенный, с пробойной диаметром в палец. Пробоина была неаккуратной и честной.

- Не броня, - сказал он себе. - Бижутерия с претензией.

Он сунул обломок в мешок для вещественных. Куратор потом скажет «крупные гуманоиды» и «неклассифицированные материалы». Мешок будет всё равно тяжелее слов.

Отдельно стоило бы записать - и Громов позже запишет - поведение пленных в первые полчаса.

Легионеры молчали чаще орков. Молчание у них было выученное: раб не болтает, воин не болтает перед врагом, жрец тем более. Но холод ломал выучку быстрее допроса. Один молодой - без шлема, со ссадиной на лбу - вдруг начал повторять одно и то же слово, похожее на «солнце», и дрожал так, что наручники звенели. Караульный хотел заткнуть его тряпкой. Таня резко запретила:

- Пусть орёт. Орать - дышать. Заткнёшь - посинеет. Посинеет - будешь сам объяснять Реброву, почему «гуманоид» стал грузом двести.

Караульный обиделся и подчинился. В армии обида и подчинение часто ходят парой.

Орки держались иначе: рычали, плевались (слюна замерзала на лету - Коля это снял, потом сам же отвернулся), пытались встать, даже связанные. Гарр после чая стал спокойнее. Он смотрел на Таню с выражением человека, который готов признать нового бога, если бог умеет бинтовать. Таня на такие взгляды не велась. Она говорила:

- Не смотри на меня как на храм. Я устаю. Храмы, говорят, нет.

Жрец третьего круга отказался от чая словесно и жестами, зато не отказался от тепла палатки. В тепле у него оттаяли губы - и сразу начался шёпот. Шёпот был похож на молитву. Коля записал. Громов велел не перебивать:

- Пусть молится. Молитва - тоже канал. Иногда по каналу утекает больше, чем по рации.

Каэлен пил. Не чай - воду с сахаром, которую Таня навязала жёстко. Он пил медленно, с остатками этикета, который на перевале выглядел почти трогательно. Когда Громов сел напротив него у борта кузова - не вопрос, а «первый контакт глаз» - лорд сказал несколько фраз на имперском. Смысл Громов взял позже из жестов и повторов: «кто вы», «какой демон», «где ваш король».

Громов ответил по-русски, спокойно:

- Короля нет. Есть майор. До майора - я. До разговора - тепло и бинт. Потом слова.

Каэлен, кажется, понял тон. Кивнул - врагу. Это уже было много. Враги, способные кивать после двенадцати минут ада, годятся на переговоры лучше героев, способных только умирать красиво.

Женщина в светлом плаще всё это время оставалась отдельной величиной. К ней не подпускали лишних. Снег на её ресницах не таял сразу - либо температура тела упала, либо диск на груди тянул тепло иначе. Громов заметил: когда рядом проезжала БМП, она морщилась, как от зубной боли. Когда двигатель глох, лицо чуть отпускало.

- Реакция на технику, - сказал он Коле. - Как у тебя пломба ночью. Запиши пары «шум/гримаса». Если подтвердится - получим индикатор живьём.

- Индикатор живьём - это жестоко, - заметил Коля.

- Жестоко - это снаряд по строю, - сказал Громов. - Наблюдение - это уже милосердие науки.

Он сам услышал, насколько цинично звучит фраза, и не стал смягчать. Смягчать будут потом, в тёплых кабинетах, где цинизм называют «сложностью этической рамки». На перевале рамка была проще: живые говорят, мёртвые - нет.

К тому моменту, когда Ребров произнёс своё «ну приехали», на горизонте ложбины уже снова сгустился свет. Не выход - подготовка. Коля поймал низкие рога/трубы. Громов смотрел на фиолетовую рану и думал о втором эшелоне. В Империи, судя по дисциплине первого выброса, умели посылать красивых первыми. Значит, умных пришлют вторыми. Умные будут уже не в золотых плащах босиком по смыслу, а с вопросом: почему не сработало?

Этот вопрос Громов уважал. Он сам жил вопросами. Опасность была в том, что умные гости начнут искать ответы быстрее, чем штаб успеет согласовать запятые в слове «несанкционированный».

- Нам нужна скорость внедрения, - сказал он Реброву вполголоса, когда куратор отошёл к телефону. - Не комиссия. Скорость. Если они учатся - мы должны учиться вдвое.

- Ты сейчас предлагаешь мне войну изобретений на втором часу контакта, - буркнул Ребров. - Я ещё сводку не подписал.

- Подпишите, - сказал Громов. - А изобретать всё равно придётся. Лучше под вашим контролем, чем под чьим-то паническим.

Ребров потёр лицо ладонью.

- Пиши идеи в блокнот. К утру хочу три практических. Не «давайте подумаем о мире». А «вот это поставить, вот это снять, вот сюда не ходить». И чтобы Миша не тащил в арку сварочный аппарат до моей команды.

- Мишу я стерегу, - сказал Громов.

- Меня стереги тоже, - хмыкнул Ребров. - А то я сам полезу посмотреть «из интереса». Интерес на морозе - смертельный диагноз.

Они расстались коротким кивком. В этом кивке было больше доверия, чем в иных орденях. Громов пошёл вдоль постов, проверяя, не начинают ли солдаты снимать перчатки «на минутку», не лезут ли к трофеям, не зовут ли друг друга посмотреть «золотого». Трофейная лихорадка вспыхивает быстрее обморожения. Он пресёк два случая жёстко, один - матом, один - тихим обещанием гауптвахты. Люди поняли. Золото осталось в мешках под опись.

Вечер опускался не красотой - плотностью. В палатке пленных запахло мокрым сукном и чужой кровью. В палатке штаба - борщом и бумагой. Между ними ходил ветер и носил слухи. Слухи Громов ненавидел почти так же, как дыры без координат. Поэтому он собрал младших командиров ближних точек и дал короткую установку:

- Говорите своим так: был выход враждебной группы, группа подавлена, объект контролируем, паники не будет, телефоны личные - молчат, сказки про «конец света» - на

потом. Кто будет сеять «нас всех съедят» без факта - сам пойдёт в ложбину с лопатой. Вопросы?

Вопросов не было. Зато были глаза, в которых уже жило понимание: лопатой в ложбине шутики кончаются.

Когда Громов наконец вернулся к своей БМП, Миша протянул ему кружку без спроса.

- Пейте. Вы белый как ваш же отчёт.

- Отчёты не белые, - сказал Громов. - Они серые. Как всё полезное.

Он пил и смотрел на ложбину. Гости пришли и умерли/сдались слишком быстро, чтобы это стало большой войной - и достаточно кроваво, чтобы большой войной это обязательно стало. В этом был подлый закон первых контактов: они никогда не выглядят «достаточно серьёзно» для кабинетов и всегда выглядят слишком серьёзно для тех, кто стоит в снегу.

- Лейтенант, - тихо сказала Таня, присев рядом на ящик, - та женщина. Она не просто жрица. Она смотрит на нас... оценивающе. Не как жертва. Как аудитор.

- Тем ценнее, - сказал Громов. - Жертвы рассказывают плач. Аудиторы - устройство.

- Устройство потом может решить, что нас надо стереть, - заметила Таня.

- Может, - согласился он. - Поэтому мы будем быстрее устройства. И теплее к пленным, чем их храмы - к крестьянам. Это тоже оружие. Просто его не любят рисовать на пла-

катах.

Таня посмотрела на него долго.

- Вы иногда пугаете сильнее их факелов.

- Факелы гаснут, - сказал Громов. - Привычка думать - нет.

Он допил чай. В рации коротко кашлянул Ребров: сме-
на постов, готовность к ночи, запрет самостоятельных «про-
верок арки». Громов подтвердил. Коршун ушёл на сектор.
Коля надел наушники снова - уже с лицом человека, кото-
рый ненавидит свою полезность и не может от неё отказаться.
Миша полез под капот «на всякий». Таня пересчитала
укладку.

Обычная работа после необычного дня.

Именно она, а не золотые штандарты, удерживала перевал
от паники.

Громов открыл блокнот на новой странице и написал за-
головок, которого не будет в штабной сводке:

«Гости. Первые. Выводы для зимы и для нас.»

Под заголовком рука сама вывела первый пункт:

«1. Не пугаться красоты. Красота замерзает.»

Потом второй:

«2. Пугаться тишины за Вратами после крика. Тишина
учится.»

Он подчеркнул вторую строку дважды. Метель тут же по-
пыталась засыпать бумагу. Громов стряхнул снег и продол-
жал писать - мелким, злым, чертёжным почерком человека,
который уже понял: завтрашние гости могут быть умнее се-

годняшних. А значит, сегодняшняя лёгкая победа - не подарок. Это аванс, который мир потом предъявит к оплате.

И платить будут снова они - те, кто стоит ближе всех к фиолетовому свету, пьёт ужасный чай и называет чудо объектом, пока объект не начнёт называть их по имени.

Пока конвой ещё только полз к ложбине, Громов успел сделать то, что всегда делал после контакта: разложить хаос на полки.

Полка первая - время. Выход авангарда Империи: 15:11 по местным. Первый огонь: 15:17. Фактическое прекращение организованного сопротивления: 15:29. Двенадцать минут. В учебниках такие минуты потом растягивают на главы. В жизни они пролетают быстрее матюги механика.

Полка вторая - силы. Со стороны «гостей», по грубой прикидке Коли и тепловизорам: около сорока-пятидесяти тел в первом выбросе. Часть сразу отползла назад в Врата. Часть осталась на снегу навсегда. Живыми насчитали сначала восемнадцать, потом шестнадцать - двое не дотянули до бинтов. Таня на это злилась молча, по-медицински: злость санитаря всегда конкретнее генеральской.

Полка третья - эффекты. Открытое пламя. Световые вспышки. Короткий «щит». Клинки с остаточным жаром. Ничего из этого не работало так, как, судя по лицам пленных, должно было работать «дома». Холод, ветер, электромагнитный шум техники - Громов пока не знал точного коэффициента, но уже видел результат. В блокноте появилась

злая формула: «магия × среда = сюрприз для мага».

Полка четвёртая - люди свои. Царапины, одно лёгкое осколочное у наводчика соседнего расчёта, контузия у срочника, который слишком близко любовался «стенкой огня». Никто из «Авангарда-4» не лёг. Громов не сказал «повезло» вслух. Сказал Тане:

- Проверь всех повторно. Адреналин врёт.

- Адреналин всегда врёт, - ответила она. - Поэтому я его не люблю и беру анализ взглядом.

Каэлена нашли полусидящим у обломка штандарта. Живой. В глазах - пустота человека, у которого за четверть часа отобрали словарь победы. Когда Коршун поднял его и поставил на ноги, лорд попытался выпрямиться с остатками достоинства. Достоинство на морозе выглядит жалко, но Громов всё равно отметил: этот будет говорить. Не сразу. Но будет. Тем, у кого сломали парад, часто легче рассказывать, чем тем, кто сразу ползал.

Жреца третьего круга взяли отдельно - руки вперёд, факел отобрать осторожно, в снег, под наблюдением. Факел шипел и гас, будто обижался. Коля шепнул:

- Он шумел на той же «частоте», что хор. Только громче и глупее.

- Громче и глупее - тоже данные, - сказал Громов.

Орка, которого бинтовала Таня, звали - как удалось понять по рыку и жестам пленных - Гаррх или что-то близкое. Имя временно записали как «Гарр». Гарр смотрел на бинт

так, будто это была руна неизвестного бога. Когда Таня су-нула ему кружку чая, он отшатнулся, потом всё-таки взял. Пальцы у него не помещались в ушко. Он обхватил кружку ладонями целиком и загудел носом - то ли благодарность, то ли угроза, то ли просто тепло.

- Смотрите, - тихо сказал Миша Громову. - Международная дипломатия через термос. Я ж говорил, что лом универсален. Ошибся. Универсален чай.

- Чай закончится, - сказал Громов. - Метод останется.

Женщину в светлом плаще к этому моменту уже увели ближе к технике - не в салон сразу, а за щит из ящиков и снежного бруствера, где ветер бил слабее. Она молчала. Диск на груди не светился. Иногда её губы шевелились - молитва или проклятие, разницы Громов пока не видел. Он не стал лезть с допросом под вой метели. Шок - тоже мембрана. Ломать её кулаком глупо. Иногда выгоднее подождать, пока человек сам начнёт искать слова.

Ребров появился на площадке боя, когда основные тела уже вынесли и снег принялся прятать улики, как опытный преступник. Майор прошёлся взглядом по воронкам, по золоту в насте, по пленным, по Вратам - и сплюнул, попав точно в сугроб.

- Ну приехали, - сказал он. - Я надеялся, что до ночи продержимся в жанре «странная геофизика». Нам устроили жанр «визит». Шаман, коротко для верха: кто они?

- По признакам - организованная сила с ритуальной

иерархией. Есть командный слой, есть ударный, есть культовый. Технологический уровень - доиндустриальный плюс эффекты, которые они считают даром. В нашей среде дар буксует. Воюют плотно, храбро и... неправильно для зимы.

- Неправильно - это хорошо, - сказал Ребров. - Пока. Потом научатся. Все учатся на крови. Лучше на их.

Куратор в гражданской куртке записывал что-то в свой телефон, хотя пальцы у него белели и телефон капризничал от холода.

- Слово «вторжение» пока не используем, - произнёс он безэмоционально. - Используем «несанкционированный переход живой силы». И никаких «орков» в первой сводке. Напишите «крупные гуманоиды».

Миша открыл рот. Громов наступил ему на носок сапога заранее.

- Принято, - сказал Громов. - В сводке - гуманоиды. В окопе - как есть.

- И ещё, - куратор кивнул на женщину. - Её отдельно. Если это культ, она дороже десятка «крупных». Не ломайте до прибытия специалистов.

- Не ломаем, - сказала Таня резко. - Она уже сломана. Мы её пока не добиваем. Разницу чуете?

Куратор посмотрел на Таню так, будто впервые заметил, что у армии есть голос кроме уставного. Потом кивнул - коротко, почти уважительно - и отошёл к Реброву.

Громов остался смотреть на Врата. Фиолетовый свет пуль-

сировал ровнее. Хор в наушниках Коли снова стал «записью», а не «репетицией». Первая волна кончилась. Это не успокаивало. Первые волны всегда кончаются. Страшны вторые - те, что приходят уже с поправкой на реальность.

- Лейтенант, - позвал Коля. - Там, за мембраной... будто трубы. Или рога. Много. Как будто кто-то собирает площадь.

- Передай на Центр, - сказал Громов. - И пиши время. Если у них площадь - у нас будет день «Б». Или ночь. Урал любит ночности.

Он закрыл блокнот, потом открыл снова и дописал внизу страницы:

«Гости прибыли. Климат подтверждён как фактор. Красота доспехов не является броней. Рекомендация: не праздновать. Учиться быстрее них.»

Снег падал на буквы и таял от тепла ладони. Над ложбиной ветер выл по-старому. А в белом плаще у бруствера женщина наконец моргнула - медленно, будто возвращаясь в тело из места, где ещё секунду назад существовали Священные Рыцари и непоколебимое Солнце.

Её мир уже умер на этом снегу.

Она пока не знала, что на его обломках начнётся другой.

И что варвар с блокнотом, который не добил её в воронке, станет первой колонкой этого другого мира - жёсткой, чертёжной, без золота, зато с чаем и шансом не сдохнуть «по воле богов».

Громов этого тоже ещё не знал.

Он просто делал свою работу на перевале, где работа впервые за долгое время совпала с границей реальности.

К вечеру метель взяла своё обратно.

Следы боя затягивались белым, как стыдливой простыней. Пленных растащили по тёплым точкам: кто в палатку под охраной, кто в кузов с печкой, кто - как Гарр - продолжал сидеть у бруствера, потому что в низкий проём палатки не влезал без мата и плотницких работ. Женщину в светлом всё-таки перевели в штабную палатку усиления: там пахло пылью обогревателя и казённым борщом, и это сочетание, казалось, било по ней сильнее наручников.

Громов зашёл ненадолго - доложить и посмотреть глазами, не приборами. Она сидела прямо, несмотря на бинт у плеча, и смотрела на лампу накаливания так, будто это был маленький ручной бог сомнительного происхождения.

- Ей дали чай, - шепнул караульный. - Не пила. На диск свой смотрит. Диск не жётся. Она из-за этого почти плачет, но гордо.

- Пусть гордится, - сказал Громов. - Гордость иногда греет. Недолго, но до допроса хватит.

Он не стал тогда устраивать разговор из третьей главы - тот, что про энергию и договор. Ещё рано. Ещё слишком свеж запах чужого мяса на снегу. Он только остановился в проёме и сказал по-русски, чётко, зная, что смысла слов она не возьмёт, но тон возьмёт:

- Вы живы. Это не милость. Это режим. Держитесь режима - доживёте до смысла.

Она подняла на него глаза. В них уже не было одного только шока. Там появлялось нечто опаснее - внимание. Так смотрят на новый закон природы существа, всю жизнь жившие по старому.

Громов кивнул и вышел.

На улице Миша курил, нарушая сразу всё, и прикрывал огонёк ладонью.

- Ну как, лейтенант? Международка?

- Будет хуже, - честно сказал Громов. - Они прислали авангард. Авангарды для того и существуют, чтобы после них приходили те, кто учится на чужих трупах.

- Тогда я к утру сделаю на машине ещё одну точку питания, - сказал Миша. - И найду лом подлиннее. На случай дипломатии.

Коршун стоял рядом и молчал. Потом вдруг произнёс:

- Красиво они шли. Плохо воевали. В следующий раз, может, наоборот.

- Вот этого и боюсь, - сказал Громов.

Коля высунулся из БМП:

- Хор снова тихий. Но там... будто считают. Не песенно. Арифметически. Как перекличка.

- Перекличка после потерь, - кивнул Громов. - Значит, командная структура жива за мембраной. Значит, будут ещё.

Он посмотрел на часы. 19:40. День «гостей» формально

кончался. Ночь обещала не отдых, а новую смену той же работы. В небе - насколько небо вообще существовало за метелью - не было знамений. Только ветер. Только холод. Только фиолетовая рана в ложбине, сытая первым кровопролитием и всё ещё открытая.

Громов достал блокнот и подписал снизу страницы коротко, как ставил штамп:

«Глава контакта открыта. Закрывать рано.»

Потом закрыл обложку, сунул карандаш за ухо - дурацкая привычка, от которой отмерзала кожа - и пошёл проверять посты. Потому что на перевале после первой встречи миров самое глупое, что можно сделать, - решить, будто главное уже случилось.

Главное только начиналось.

И оно уже шло к ним - тяжелее авангарда, злее метели и гораздо умнее золотого штандарта, который теперь торчал из сугроба как памятник чужой ошибке.

Ночь после первого боя не принесла сна - она принесла бухгалтерию.

В штабной палатке под лампой Ребров и куратор спорили о формулировках так, будто от прилагательных зависел калибр. Громов сидел на краю лавки со своим блокнотом и иногда вставлял цифры, когда спор начинал улетать в поэзию угрозы. Цифры приземляли. Цифры были его способом не дать страху стать автором документа.

- «Крупные гуманоиды» - это трусость, - бурчал Ребров.
- Назовите орков орками. Или хотя бы «нечеловеческой пехотой».

- Орки в сводке породят тридцать звонков и один утёкший скан, - парировал куратор. - Пока - гуманоиды. Зато с приложением фото. Фото убедит сильнее слова.

- Фото убедит интернет, - сказал Ребров. - Меня убедил парень без ноги в сугробе. Ладно. Пишите как хотите. Только в боевом приказе мне оставьте нормальный язык. Я не буду кричать в рацию «огневое поражение гуманоидов». У меня язык сломается раньше линии фронта.

Громов тихо зачитал свой кусок:

- Предлагаю в боевых документах: «группа противника типа А (доспешная пехота), типа Б (крупные штурмовые), типа В (культовые носители эффектов)». Без мифологии. С признаками. Мифологию вынесем в приложение для тех, кто любит читать ночью.

Куратор кивнул с облегчением человека, нашедшего формулу, которой можно прикрыть реальность.

- Вот. Шаман полезен. Оставляем.

Ребров покосился на Громова.

- Тебя опять повысят ответственностью. Это хуже звания. Иди к своим на час. Потом вернёшься дописывать протоколы дистанции. И да - женщину до утра не допрашивать жёстко. Пусть Таня смотрит физиологию. Если умрёт - я лично тебя... ну, ты понял.

- Понял, - сказал Громов. - Не умрёт. Не при такой злости в глазах. Злость - хороший признак жизни.

Он вышел в метель и на минуту остановился, давая лицу привыкнуть. После лампы белый мрак казался чище и честнее. На постах горели редкие щели света. Где-то скребла лопата: солдаты поднимали борта снежных укрытий выше. Кто-то матерился ритмично - работа шла. Громов любил этот звук. Пока люди строят, они не сходят с ума так быстро.

У БМП его ждал Миша с куском брезента и виноватым лицом.

- Я не лез в арку, - сразу сказал он. - Честно. Я просто... измерил просадку на разных дистанциях. Вот график. Ну, почти график. На салфетке.

На салфетке от сухого пайка кривая действительно была: чем ближе к ложбине, тем злее просадка. Громов разглядел и кивнул.

- Это уже почти наука. Завтра перенесём на нормальный лист. И подпишешь. Будешь соавтором приложения.

- Я хотел быть соавтором двигателя, - вздохнул Миша. - Ну ладно. Карьера пишется криво.

Коршун вернулся со смены, отряхнулся и сел так, чтобы видеть сектор даже сидя. Привычка. Он достал из кармана обломок золотой чешуи доспеха - крошечный - и положил перед Громовым.

- Не трофей, - сказал он. - Образец. У меня в секторе мальчишка хотел на шею повесить. Я забрал. Извини, если

по форме не так.

- Так, - сказал Громов. - Именно так. Трофеи на шее делают из солдат мишени и из мишеней мёртвых. Образец - в мешок.

Коля спал пять минут прямо лицом в рукав, потом вздрогнул и снова надел наушники. У него под глазами были синяки цвета старой брони. Таня сунула ему глюкозу и не стала слушать протесты.

- Съешь. Мозг - тоже мышца. У тебя он сегодня бегал марафон.

- Тогда мозг просит переводчика, - пробормотал Коля. - Я уже начинаю «понимать» их хор. Это плохо. Когда начинаешь понимать без словаря - это либо гений, либо срыв.

- Третий вариант: привычка, - сказал Громов. - Привычка опаснее срыва, потому что кажется нормой. Если «поймёшь» фразу - сначала мне, не им в ответ.

- Есть, - сказал Коля и всё-таки съел глюкозу.

Громов подошёл к палатке, где держали женщину. Карательный отодвинул полог. Внутри было тускло и жарко до тошноты после улицы. Она сидела на той же лавке, плащ на плечах уже суше, диск на груди тусклый. Рядом стояла кружка - нетронутая. Таня, сидевшая напротив с блокнотом температуры, покачала головой: пульс есть, лихорадки нет, шок - да.

Громов сел на корточки, чтобы не нависать. Нависание - плохой язык. Он положил между ними на ящик свой блокнот

открытой страницей со схемой Врат - без текста, только линии. Потом указал на схему, на неё, на себя, на дверь палатки и развёл руками: «мы здесь, вы здесь, выход там». Простая география. Иногда география успокаивает лучше обещаний.

Женщина смотрела на линии долго. Потом медленно кивнула. Пальцем провела по фиолетовому кругу, который Громов заштриховал, и произнесла одно слово на своём языке. Позже он узнает: «скверна». Или «рана». Или «врата». Коля потом будет спорить о переводе три часа. Сейчас важно было другое - она вступила в обмен знаками. Обмен - начало. Не мир. Начало.

Громов показал на её плечо, на бинт, на Таню и кивнул: «помощь». Показал на наручники и на часы: «пока». Она поняла «пока» раньше, чем он ожидал. В её глазах мелькнуло презрение - к наручникам, к ситуации, возможно к себе. Презрение тоже жизнь.

Он не стал тянуть сеанс. Вышел, оставив ей схему. Пусть лежит. Бумага иногда работает лучше пророка.

- Ну? - спросила Таня за пологом.

- Контакт символический установлен, - сказал Громов. - До языка ещё далеко. До ненависти - близко. Держим обе дистанции.

Где-то за Вратами, и этого Громов не видел, но обязан был воображать, Империя уже собирала вторую мысль о варварских землях.

Он воображал это сухо, по аналогии с штабами: крик, отрицание, поиск виноватых, потом - запрос на «настоящую силу». Сегодняшние пленные были авангардом гордыни. Завтрашний выброс может стать авангардом злости. Злость учится быстрее гордыни, потому что гордыня смотрит на себя, а злость - на рану.

Поэтому он снова поднял Мишу и Коршуна перед короткой ночной планёркой группы.

- Исходим из того, что они вернутся умнее. Не завтра утром - так послезавтра. Нам нужно: запас тепла на пленных и на своих отдельно; огневые рубежи с учётом того, что скученность они могут убрать; дымы не для красоты, а для ломания их зрительных ритуалов; и никаких одиночных героев к кромке. Если кто-то из «добровольцев» соседней роты полезет фотографировать арку - вяжите. Потом разберёмся. Лучше живой идиот в наручниках, чем мёртвый идиот в отчёте.

- Можно я заранее наручники на идиотов надену? - спросил Миша. - Профилактика.

- Только на чужих идиотов, - сказал Громов. - Свои пусть пока на свободе грешат мелким матом.

Коршун кивнул и вдруг спросил то, что все думали:

- А если из дыры вылезет не пехота, а... ну... то, чему очередь не поможет?

Громов не стал врать.

- Тогда держим дистанцию, орём на артиллерию и молим-

ся, чтобы у «того» тоже была температура кипения. Всё, что имеет тело или очаг - можно мерить. Всё, что можно мерить - можно пробовать бить. А если не имеет - пишем новый протокол и не стесняемся отступить. Отступление живых лучше красивой гибели для чужого гимна.

- Хороший гимн из нас всё равно не выйдет, - буркнул Коля. - Мы матом фальшивим.

- Тем лучше, - сказал Громов. - Фальшивые герои дольше живут, если вовремя замолкают.

Они разошлись по коротким снам и постам. Громов остался у карты. На кальке уже лежали новые линии: «Берёза», «Клин», «отсечка», стрелка возможного отхода пленных, крест «не входить». Простая грамота войны у дыры. Он вдруг вспомнил фантастический роман, где портал открылся в токийском районе и герои спорили об этике контакта две серии подряд. Улыбнулся без веселья. Этику контакта здесь написали за двенадцать минут очередью и минусом тридцать пять. Жестоко. Честно. По-уральски.

В половине первого ночи Коля снова дернул его за рукав.

- Лейтенант. Рога. Далеко. И голос - один. Очень низкий. Не хор. Будто... читает список.

- Список потерь или список приказов? - спросил Громов.

- Не знаю. Но после него хор стал злее. Или я стал слышать злее.

- Передай Центру. И себе в дневник. Если «список» предшествует выходу - это наш метроном.

Громов вышел в темноту и долго смотрел на ложбину. Врат почти не было видно - метель берегла тайну, как жадная хозяйка. Но кожей он чувствовал пульс. Или внашал себе. Разницы в два часа ночи иногда нет. Он потопал ногами, вернулся тепло в пальцы и коротко, без свидетелей, сказал в белое:

- Ну давайте. Только не сразу всех. Нам ещё учиться.

Перевал не ответил. Врата не ответили. Ответила рация коротким «принято» от дежурного - на совсем другой разговор, но Громов всё равно кивнул, будто мир подтвердил получение.

К трём ночи снегопад усилился настолько, что даже фиолетовый глаз пропал. Посты перешли на тепловизоры и слух. В палатке пленных Гарр наконец уснул - громадно, с хрипом, как старый мотор. Каэлен не спал: смотрел в щель полога на крупу снега и, возможно, впервые считал, сколько в этом мире стоит одна жизнь без молитвы. Женщина в белом лежала на боку, лицом к диску, и шептала. Таня дремала сидя, пальцы на пульсе привычки.

Громов прошёл мимо, не входя. Дал караульному кружку. Караульный удивился больше, чем пленный утром удивлялся бинту.

- За что, товарищ старший лейтенант?

- За то, что стоишь, - сказал Громов. - Иногда этого достаточно, чтобы мир не развалился до утра.

Он вернулся в машину, закрыл глаза и на этот раз прова-

лился в сон без чертежей - чёрный, короткий, спасительный. Разбудил его не взрыв и не хор, а запах каши с тушёнкой: Миша решил, что командный состав надо кормить насильственно. Каша была прекрасна именно своей казённой мерзостью. Значит, жизнь продолжалась.

- Сколько время? - спросил Громов.

- Сколько надо, чтобы вы не умерли героем натошак, - сказал Миша. - Ешьте. Потом снова спасайте реальность блоком.

Громов ел и слушал метель. Гости уже были - в плену, в снегу, в памяти пальца на спуске. Гости ещё будут - за мембраной, в списках, в злости низкого голоса. Между «уже» и «ещё» лежала его смена. Он собирался провести её без лишней поэзии и с максимальным количеством фактов.

Потому что на перевале трёх миров первым побеждает не тот, кто красивее верит.

А тот, кто после первой крови способен сказать: «повторяем замер» - и заставить людей это сделать.

Утром второго дня после открытия Врат (и утром после боя - для тех, кто считает жизнь стычками) сводка ушла наверх. Слово «гуманоиды» улетело в тёплые кабинеты. Слово «орки» осталось в окопах. Женщина в светлом получила в документах временный индекс «объект-В / консультант потенциальный» - куратор уже играл вперёд. Громов на индекс поморщился, но не спорил: бюрократия тоже вид бро-

ни. Иногда дурацкой. Иногда спасительной.

Он стоял на уступе, глядя туда, где метель снова открыла фиолетовую щель, и понимал простую вещь с тяжестью льда: первая глава была про дверь.

вторая - про тех, кто в дверь входит, не спросив хозяина. а дальше будет про то, чем хозяин отвечает, когда понимает: дверь закрывать уже поздно, можно только строить порог, крепость и характер.

Громов сунул руки в карманы, нащупал карандаш и обломок чешуи в мешке у пояса - два разных инструмента одной работы. Ветер ударил в лицо. Внизу кто-то окликнул смену. В рации кашлянули. День начинался обыденно, как и должен начинаться день у людей, которые решили не сойти с ума от чуда.

- Авангард-4, на связь, - сказал он. - Живы. Работаем дальше. Гостей больше не удивляемся. Гостей изучаем.

- Есть, - отозвался Коршун.

- Есть, - отозвался Коля.

- Есть, и чтобы без сюрпризов до обеда, - сказала Таня.

- Сюрпризы у меня в ЗИПе, - буркнул Миша. - Только по записи.

Громов почти улыбнулся. Почти. Улыбка на перевале должна быть дозированной, как форсаж.

В ложбине Врата моргнули ярче - будто слышали слово «гостей». Или будто туда, на ту сторону, уже вывели новых. Разницы пока не было. Была готовность.

И метель, верная союзница и палач, поднялась снова, закрывая золото вчерашнего боя белым, стирая детали, оставляя суть:

они пришли.

их встретили железом.

и мир, ещё не зная слова «рубеж» на двух языках сразу, уже начал учиться жить в режиме, где чудо проходит таможенно под прицелом.

К полудню того дня, когда слово «гости» перестало быть шуткой Миши и стало строкой сводки, Громов собрал короткую письменную памятку для соседних точек - одну страницу, без лирики, крупным почерком, чтобы читать в varejках:

«Не стрелять в Врата на удачу.

Не подходить к пленным без пары.

Не брать золото на память.

Не рассказывать срочникам сказки про конец света - рассказывать дистанцию и сигнал отхода.

Холод - союзник, не нянька: своих греть, чужих считать.

Любой новый звук из ложбины - время в блокнот, потом в рацию.

Кто устал - сказать. Усталый герой опаснее вражеского жреца.»

Он лично пронёс лист по ближним окопам. Где-то кивнули. Где-то хмыкнули. В одном месте срочник спросил:

- Товарищ старший лейтенант, а они правда из другого

мира?

Громов посмотрел на него так, будто взвешивал на весах правду и пользу.

- Они из места, где нам теперь служить, - сказал он. - Этого достаточно. Остальное узнаешь, если будешь делать, что написано, а не что кажется.

Срочник втянул голову в плечи и больше философствовать не стал. Философия на перевале любит заканчиваться обморожением ушей.

Под вечер Таня выловила Громова у палатки пленных и без предисловий сунула ему термометр.

- Держите. Вы сами уже объект наблюдения. Температура на границе. Чай. Сон хотя бы один нормальный кусок. Иначе к моменту, когда приедут «умные», вы будете объяснять им Врата горячечным бредом.

- Бредом, - машинально поправил Громов и тут же понял, что попался.

- Вот именно, - сказала Таня. - Ещё соображаете. Не теряйте навык.

Он подчинился почти без сопротивления: выпил, сел в машину, закрыл глаза на сорок минут настоящего сна. Перед сном на сетчатке вспыхнули золотой штандарт в сугробе, кружка в лапах Гарра и глаза женщины, которая ещё не знала, что её будут звать Верой. После сна вспышки не исчезли - просто встали в ряд, как пункты плана.

Коля разбудил его осторожно.

- Лейтенант... низкий голос снова. И после него - тишина. Такая, будто за мембраной тоже учатся ждать.

- Значит, учатся, - сказал Громов, уже вставая. - Тогда и мы подождём правильно: с тёплыми стволами, холодной головой и без лишней веры в лёгкость вчерашнего.

Он вышел в метель. Вторая глава их войны ещё дышала на страницах блокнота и на снегу крови. Третья уже собиралась за фиолетовым светом - тяжелее, злее, ближе к именам и к чуду, которое нельзя будет списать на «гуманоидов» в сводке.

Но это будет завтра.

Сегодня хватало того, что гости пришли первыми - и ушли назад не с победой, а с вопросом, на который Империи ещё предстояло найти опасный ответ.

Громов поправил автомат на груди и тихо резюмировал ночь и день одной фразой, годной и для рапорта, и для молитвы без бога:

- Рубеж держим. Уроки пишем. Панику - под арест.

Метель завывала согласно, как старая собака на цепи. Врата пульсировали. Люди шли на смену.

А перевал, сытый первым визитом чужого мира, впервые за двое суток показался Громову не дырой в аду, а постом. Жёстким. Мерзлым. Настоящим.

Постом, с которого начинается империя наоборот: не та, что несёт золото в чужие земли, а та, что встречает чужое золото гусеницей, чаем и упрямством жить дальше.

Уже совсем поздно, когда гражданский куратор снова поймал Громова у штабного «Урала» и протянул ему распечатку - кривую, бледную, с пометкой «для служебного».

- Вашу схему дистанций включили почти без правок, - сказал он. - Это комплимент от людей, которые комплиментов не раздают. Завтра приедет группа с аппаратурой. Не трогайте арку до них. И не дайте Мише «улучшить» пленных силофоном из головы.

- Не дам, - сказал Громов. - Аппаратуру встретим. Пленных сохраним. Арку не поцелуем.

Куратор задержался на секунду дольше нужного.

- Вы понимаете, что если это стабильный переход, мир изменится быстрее законов?

- Понимаю, - сказал Громов. - Поэтому законы надо писать быстрее мира. Хотя бы полевые. Хотя бы наши.

Он вернулся к машине последним кругом проверки. Пост «Берёза» - в порядке. Пост у ложбины - злые и потому живые. Палатка пленных - тепло есть, ор крика нет, только храп Гарра и редкий кашель легионера. Женщина в светлом не спала: смотрела в полог так, будто уже примеряла к этому миру новую роль и ещё не решила, будет ли роль предательством или спасением.

Громов не стал заходить. Он положил у входа вторую кружку чая - через караульного - и ушёл. Иногда забота должна быть немой, чтобы не стать долгом.

В блокноте на последней странице дня он дописал три

строки, которые потом не войдут в сводку, но войдут в него самого:

«Гости умеют умирать красиво.

Мы умеем встречать их без красоты.

Кто быстрее откажется от театра - тот останется зимовать.»

Карандаш сломался на последней букве. Громов достал второй - третий берег на большую войну - и поставил точку.

Точка вышла жирной.

Как рубеж.

Так завершилась вторая глава на перевале: не триумфальным маршем и не молитвой над трупами, а списком дел на завтра, тёплым чаем для пленных и холодным расчётом для живых. Империя ещё называла их варварами. Варвары уже называли Империю задачей. А метель, общая для обеих сторон, продолжала писать свою правду поверх всех знамён - белым по крови, гусеницей по золоту, тишиной по гордыне.

Громов погасил свет в салоне. За бронёй остались люди его группы - дышащие, нужные, свои. За ложбиной остался чужой мир - раненый первым отказом. Между ними лежал снег. И этого снега, думал он, хватит на целую книгу войны, если только не лениться измерять каждый следующий шаг.

Конец второй главы. Далее - железо, золото и имя женщины, которая ещё не знает, что станет Верой. Перевал ждал их обоих - без жалости и без спешки.